

МАЯКИ

АНТОЛОГИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Вереснев Минаков Федотов Лукин Томах Трускиновская
Лазаренко Гальперин Голубева Губарев Данко Градов Непытов

**Дмитрий Лукин
Игорь Валерьевич Минаков
Янь Данко
Павел Губарев
Ирина Лазаренко
Игорь Градов
Андрей Гальперин
Татьяна Владимировна Томах
Дмитрий Станиславович Федотов
Николай Васильевич Немытов
Игорь Вереснев
Даля Мееровна Трускиновская
Маяки. Антология
гуманистической фантастики**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42563035

Маяки. Антология гуманистической фантастики – Даля Трускиновская, Андрей Гальперин, Игорь Минаков, Татьяна Томах, Павел Губарев, Дмитрий Федотов, Игорь Вереснев, Дмитрий Лукин, Николай Немытов, Игорь Градов, Ирина Лазаренко, Янь Данко:

Снежный Ком М; Москва; 2019

ISBN 978-5-6041334-5-3

Аннотация

Будущее уже сейчас бросает нам вызов. Мы просто обязаны принять его и достойно ответить. Получится ли? У героев этой книги получилось. «В мире жестокого будущего человечность – наше главное конкурентное преимущество». К сожалению, в сборнике почти нет светлых рассказов. Оно и понятно: маяки нужнее в темное время суток. Но и полной безнадёги вы здесь не найдете. Даже в самых тяжелых рассказах, подобно маяку, светит луч надежды.

Содержание

Навстречу читателю	5
Контроль разума	9
Татьяна Томах	9
Ирина Лазаренко	35
Андрей Гальперин	61
Анна Голубева	82
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Авторский сборник Маяки. Антология гуманистической фантастики

Навстречу читателю

Появлению этой книги предшествовало одно событие. В 2017 году на фестивале фантастики «Созвездие Аю-Даг» прошел диспут по теме «Антиутопия как единственный образ будущего в эпоху капитализма. Есть ли альтернатива?». Спорили Вадим Панов и Ярослав Веров. Постепенно диспут перешел в дискуссию с участием гостей и вольнослушателей фестиваля. Народу в зале было много. Опоздавшие слушали стоя. В итоге – картина будущего нарисовалась довольно печальной. По-другому и быть не могло. Будущее не сваливается с неба, оно вытекает из настоящего. К сожалению, настоящее не давало повода для оптимизма. Тут и основные тенденции общественного развития, и поведение управленческих элит, и постоянные военные конфликты... Из подобных кирпичиков сложно построить светлое будущее.

В самом конце дискуссии прозвучал вопрос от читатель-

ницы (цитирую по памяти): «А что же вы, фантасты, сделали для светлого будущего? Почему вы ничего не делаете, чтобы изменить что-то к лучшему? Вы же пишете! Вас же читают!» Вопрос был обращен ко всему залу.

Женщину успокоили, сказали, что все будет хорошо.

Время диспута подошло к концу. Народ потянулся к выходу.

Для меня прозвучавший вопрос был самым главным на этом диспуте. Оказывается, в нас еще верят, от нас еще чего-то ждут! Подобные вопросы часто задают и в Сети. Ответы, в общем, известны. Мы не раз их слышали и читали: «Писатель никому ничего не должен!», «Воспитывать должна семья и школа!», «Фантаст не должен ни о чем предупреждать!» и далее в том же духе. Ответы удобные, но совершенно не годятся для читателя научной фантастики. Мы же по умолчанию привыкли, что читатель научной фантастики – человек умный и образованный. Мы даже не считаем нужным делать сноски, объясняя научные термины. Ведь наш идеальный читатель прекрасно знает, что такое хромоплазма, 3-брана или адронный коллайдер.

Но идеальный читатель, как человек глубокой внутренней культуры, знает кое-что еще. Например, он знает, что фантастика – вид литературы, а задача литературы как вида искусства – нравственное воспитание общества. Наш идеальный читатель помнит строки Пушкина:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Поэтому наш идеальный читатель не ставит вопрос: должен ли что-то писатель или не должен? Ответ очевиден. Вопрос ставится по-другому: может ли писатель исполнить свой долг?

Вот читательница, не жалея денег, и приехала на фестиваль фантастики, чтобы всем присутствующим прямо в лицо напомнить о долге писателя.

Как тут пройти мимо?

Итак, что же мы, фантасты, можем сделать, чтобы наше общее будущее стало хоть чуточку лучше? Сейчас мы наблюдаем пугающие тенденции в обществе, но большинство из них укладываются в одну – расчеловечивание. Тут и западная пропаганда всевозможных извращений, и отупляющие образовательные программы, и культивирование жестокости, и усиленно продвигаемая биометрия с чипизацией. Все это – расчеловечивание. Сюда же можно отнести и повальную роботизацию. Причем роботов стараются максимально очеловечить, а человека, наоборот, роботизировать.

Дальше все просто. Если мы хотим остаться людьми, хотим, чтобы наши потомки выжили и не превратились в нелюдей, решение очевидно: с помощью слова препятствовать расчеловечиванию и продвигать человечность.

В сборнике «Маяки» мы попытались достойно ответить на вызовы будущего. Основная идея сборника: «В мире жестокого будущего человечность – наше главное конкурентное преимущество».

К сожалению, здесь почти нет светлых рассказов. Оно и понятно: маяки нужнее в темное время суток. Но и полной безнадеги вы здесь не найдете. Даже в самых тяжелых рассказах, подобно маяку, светит лучик надежды.

Добро пожаловать!

Дмитрий Лукин

Контроль разума

Татьяна Томах Вирус

– И что теперь? – спросил Сергей.

– Ничего. – Аня сердито передернула плечами. Плотнее укуталась в шаль. – Поздно теперь.

Ее бледное лицо в предрассветных сумерках казалось полупрозрачным. И вся она, от тонких лодыжек и запястий до светлого платья, была будто вылеплена из тумана, который сейчас клубился в мокрой траве и плыл белыми перьями над водой. Только темная шаль придавала Аниной фигуре материальность, крепко связывая вместе пятна света и серебристые тени, не давая им убежать, раствориться в свежем утреннем воздухе.

– Ты почему сразу не пришел? – спросила Аня.

– Я хотел. Но, понимаешь... – Он замялся. Вспоминать о последних двух ночах было противно и стыдно. Особенно сейчас, свежим чистым утром, будто вырезанным из сентиментального романа позапрошлого века. Притихший сонный сад, первые лучи солнца, сверкающие в каплях росы, звонкая песня маленькой пичуги на верхушке яблони, спо-

койная гладь пруда с кувшинками. И девушка с нежным профилем и встревоженными глазами, которая встречает героя, чтобы предупредить его об опасности. «А ведь она красивая», – вдруг заметил Сергей. И удивился, как раньше этого не видел.

Ему стало еще тошнее, когда он подумал, что, наверное, Аня его давно здесь ждет. И эти две прошлые ночи – тоже. Пока он...

– Так это все – правда? – кашлянув, уточнил Сергей.

Сейчас, почти протрезвев, он почувствовал во рту кислый привкус похмелья и ужаса. До сих пор он надеялся, что все происходит не на самом деле. И вдруг волшебным образом выяснится, что это просто дурацкий и чудовищный розыгрыш. Именно для него, Сергея Липова, ведущего инженера-программиста.

– Это ты еще всего не знаешь, – усмехнулась Аня. И плотнее укуталась в шаль, зябко поджимая ноги. Как будто, несмотря на восходящее солнце, ей вдруг стало совсем холодно.

* * *

Что с новой работой неладно, Сергей почувствовал с самого начала. Но уверенности у него не было. Раньше он с большими корпорациями дела не имел, а много лет трудился в маленькой самопальной конторе, где всего персонала –

гендир, закадычный друг Леха, сам Сергей да приходящий бухгалтер. На большие проекты брали людей по договору, а в обычное время справлялись и так. Одно время Леха затеял было расширяться – набрал команду девелоперов, снял большой офис. Но не заладилось. В подробности Леха друга не посвящал. Просто вдруг неожиданно решил все бросить. Распустил команду, которую до того набирал с таким тщанием, и выдал всем хорошие премии по итогам работы; особую – Сергею.

Прощание с Лехой вышло скомканным и странным. Они зашли в шумный и дешевый пивняк, взяли пережаренных на прогорклом масле сухариков и кисловатого пива. Из колонок над столиком грохотало и выло в самые уши бессмысленным и жалобным шлягером, наверное, самым модным, потому что крутили его уже в третий раз. Леха морщился, но терпел. Серега недоумевал. Пытался понять, зачем этот кабак, кошмарная музыка и что вообще происходит.

– Ты тоже уезжай, – вдруг сказал Леха, склонившись к самому уху Сереги и зачем-то прикрывая лицо рукавом и кружкой с пивом. – Понял?

Глаза у Лехи были трезвыми и почему-то виноватыми.

– Уезжай, пока не поздно. Понял?

– Не понял, – честно ответил Серега.

– И не надо, – кивнул Леха. – Просто уезжай.

– А ты-то почему? И куда?

– Да я, понимаешь... – Тут он замолчал, покосившись на краснолицего толстяка с двумя запотевшими кружками, выждал, пока тот пройдет мимо, и продолжил: – Да я тут нашел новую работу по контракту. Скоро улетаю в Австралию. Подалее чтоб.

Хлебнул пива, поморщился, продолжил с неохотой, отводя взгляд в сторону:

– Знаешь, надоело тут биться как рыба об лед. А точнее – как рыбак в полынье. А еще точнее – как рыба, которая думала, что она рыбак, а вдруг очутилась на льду с голым задом и крючком в зубах.

Сергей сначала обалдел. Во-первых, это все было слишком неожиданно; во-вторых, наемная работа никак не вязалась со свободолобивым Лехой; в-третьих, он не уловил смысл метафор. А в-четвертых, Леха явно недоговаривал.

– У рыб нет зада, – уточнил Серега, надеясь хоть на какие-то пояснения. – И зубов.

– А это смотря какие рыбы, Серый, – хмыкнул Леха. – Ну, ладно. Удачи тебе здесь. И мне – там.

Взгляд он опять отвел в сторону. Наверное, ему было неловко бросать Серегу одного дальше барахтаться в той полынье, где они раньше выплывали вместе, поддерживая друг друга. Серега, привыкший, что друг заботится обо всех организационных вопросах, чувствовал растерянность.

– Компанию я закрываю. – Леха смущенно кашлянул. – Я мог бы ее оставить тебе, но не стану. Потому что я тебе,

Серый, настоятельно советую тут не задерживаться.

– Да в чем дело-то?

– Ха-ха, какая рифма, слышал? – вдруг громко восхитился Леха пьяным голосом, тыча кружкой в хрипящий зев колонки. Проходящая мимо толстая официантка в неопрятном фартуке покосилась на него со странной смесью одобрения и жалости. Никаких рифм в произведении, которое выкрикивал из колонок прокуренный женский голос, не было вовсе.

– Ты чего, Леха?

– Тс-с, – сердито прошипел тот, – улыбайся и пей, понял? Скоро здесь будет такое, что... Я тебе, извини, не могу рассказать. Во-первых, тебя могут убить, если узнают. Или еще чего хуже. А во-вторых, ты мне все равно не поверишь. Не пялься на меня так, пей и улыбайся. А сейчас вместе ржем, как в дебильных комедиях, где закадровый смех. Ха-ха! А она, прикинь, мне, такая говорит... ну, блин, не могу...

Толстая официантка опять прошла мимо, по-матерински улыбаясь в сторону загибающегося от хохота Лехи.

Продолжая хихикать и прикрываясь кружкой, Леха опять склонился над столиком.

– Нам бы это раньше понять, – морщась, сказал он. – А теперь поздно. Ничего не изменишь. Парадокс, знаешь, в чем? Те, кто могли бы что-то изменить, это все и устроили. Понимаешь?

– Нет.

– Вот. Я тоже не понимал. А ведь я логические задачи

люблю. А тут решается на раз – надо только собрать все факты и сделать вывод. Ты тоже сможешь, если захочешь. Только думай быстрее, Серый. Потому что изменить-то уже ничего нельзя, но бежать еще можно. Пока. Понял?

В конце концов Леха все-таки напился. Ценитель дорогих вин и коньяков, в этот вечер он налил дешевым кислым пивом и почти всерьез смеялся над дурацким шлягером, который запустили уже раз десятый. И шептал заговорщически уже совсем какую-то ерунду.

– Вот, например, телевидение. Ты смотришь, Серый?

– Зачем? Новости там ну как бы... адаптированные. По-году я в интернете посмотрю. Фильмы тоже найду, какие хочу. Рекламу, что ли, смотреть?

– Во! Отсюда можно начинать. Понял?

– Нет, – вздохнул Серега, потеряв надежду разобраться в путаных мыслях друга.

Через два месяца Леха улетел. В аэропорту он был непривычно хмур и молчалив, и ни словом не напомнил странный разговор в дешевой пивной.

И можно было решить, что разговора этого не было и все путанные советы случились спьяну и от чувства вины и желания как-то оправдать торопливое Лехино бегство.

Через пару дней после Лехиного отъезда вдруг позвонил Вадим, бывший их сокурсник. В институте они были в одной компании, хотя с Вадимом особо и не дружили. Он был родственник кого-то сверху – то ли сын, то ли племянник. Поступил по блату и экзамены сдавал так же, за что его не очень любили. Улыбчивый и с первого взгляда приветливый, однако его недоброжелателям по случайным с виду причинам неизменно приходилось худо. Потому в итоге у него со всеми установился вежливый нейтралитет, видимость приятельства.

Вот и сейчас, спустя много лет, Вадим не стал тратить время на официоз.

– Привет-привет, – небрежно сказал он по телефону, номер которого невесть как узнал. – Давно мы уже не.

Последней оборванной фразой он как бы уточнил – я тебя помню, но рассусоливать мне некогда, поэтому сам додумай, чего это «не». То ли не виделись, то ли не разговаривали, то ли не пили.

После чего, не дожидаясь ответа, сразу перешел к деловой части беседы:

– Есть разговор. И предложение, от которого тебе будет сложно отказаться. Хо-хо.

Предложение оказалось новой работой в корпорации «Бензин-пром». Вадим там трудился руководителем перспективного направления секретных разработок с целью повышения эффективности и тэ дэ. То есть ничего не делал, но получал очень неплохую зарплату. Заработав таким трудом высокую должность, квартиру с дизайнерским ремонтом, «вольво» с личным шофером и бунгало на Мальдивах, Вадим решил вспомнить о товарищах институтских дней. Достойным людям – достойные зарплаты и перспективы. Страна должна поддерживать талантливых граждан, беречь генофонд, не провоцировать утечку мозгов в конкурирующие страны. Кстати, не собирается ли Сергей, так сказать, по стопам покинувшего нас Алексея? И замечательно, что не собирается! Нам нужны талантливые инженеры! А талантливым инженерам нужно отдельное жилье, личный автотранспорт и прочие блага для нашей короткой, но прекрасной жизни. Хо-хо.

* * *

Со встречи, прошедшей в неофициальной, дружеской обстановке в роскошной квартире Вадима, Сергей вышел слегка обалдевший.

За ужином прислуживала симпатичная горничная в коротеньком платье и кружевном декоративном передничке. Жена Вадима или подруга – спросить было неловко – си-

дела за столом молча, аккуратно ковыряя маленькой вилочкой приносимые деликатесы. То ли старомодная, то ли, наоборот, дизайнерская прическа – как у Наташи Ростовской, с трогательными локонами, струящимися вдоль тонкой шеи. В таком же стиле длинное платье, наверное, из натурального шелка, – с матовым дорогим блеском. Скромно потупленные глаза с длинными ресницами, нежно-розовые, четкого рисунка губки.

– Выйди, дуся, – небрежно обратился к эфирному созданию Вадим во время десерта. – Нам поговорить.

Красавица послушно положила золотую вилочку на блюде с недоеденным малиновым суфле, выскользнула из-за стола, присела в книксене, пропев нежным голосом: «Доброго вечера», и удалилась.

Сергея смотрел на происходящее, открыв рот. Все это напоминало талантливо срежиссированный спектакль. Что-то из «Войны и мира». Декорации соответствовали. Бархатные шторы с золотыми кистями, хрустальная тяжеловесная люстра на потолке с лепниной, камин с кариатидами, замысловатые золотые часы.

Вадим поймал взгляд гостя, самодовольно усмехнулся.

– Люблю винтаж, – сказал он непонятно к чему. – Так вот, о вакансии. Нам нужен программист. В перспективе – руководитель разработки. Я думаю, ты подойдешь.

Из дома Вадима Сергей вышел с легким головокружени-

ем. Зачем-то он представлял себя в тех же декорациях, которые только что покинул. Только теперь в главной роли, на месте Вадима. Хотя, в общем, не любил подобные интерьеры и чувствовал себя в них неуютно.

Провожая гостя, Вадим вдруг подмигнул и заговорщически поинтересовался:

– Что, понравилась Клава?

– Кто?

– Горничная. Я тебе ее подарю, если хочешь. Только к ней антураж нужен, ну ты понимаешь. У тебя сейчас вроде однокомнатная, в ипотеке? Мы это решим.

Он сказал это так, что Сереге почему-то стало неловко. В один миг предмет его гордости, собственная квартира в новом доме, превратилась во что-то мелкое и даже стыдное. И на фоне этой метаморфозы почти потерялось дикое предложение Вадима «подарить горничную».

Свежий воздух немного привел Серегу в себя. Но, кажется, что-то необратимо сместилось в его жизненных координатах. Теперь мысль о роскошной квартире, дорогой машине, изысканной еде – обо всем, что раньше оставляло его равнодушным, – приятно и как-то щекотно волновала.

«А почему бы и не? Хо-хо», – подумал он в лексиконе Вадима. То ли о новой работе, то ли о новых жизненных ориентирах, то ли о горничной.

Размышления, точнее фантазии, так его увлекли, что он

совсем забыл о том, что его поразило. То, после чего происходившее стало казаться спектаклем. Фарсом, постановкой. Чем-то ненастоящим.

Когда барышня в старинном платье, пожелав доброго вечера, на секунду подняла лицо, Серега увидел ее глаза. Пустые и невыразительные. Глаза куклы. Или мертвеца.

* * *

На новой работе в первый же день завалили бумагами. Сперва в отделе кадров полная дама со строгим лицом вручила бланки заявления и анкет. С заявлением все было понятно, но анкеты оказались странными. «Назовите пять ваших любимых ток-шоу в порядке убывания ценности». Телевизор Серега не смотрел, ток-шоу – тем более. К тому же он вообще сомневался хоть в какой-то их ценности. Но написать это прямо постеснялся и попробовал вспомнить хотя бы пару названий. Оленька, его бывшая девушка, эти шоу употребляла пачками, без разбора, и Серега поневоле на них иногда натывался. Собственно, это и было одной из причин расставания с Оленькой. Пересмотрев телевизор, она начала говорить рекламными слоганами и, что куда хуже, ими же думать. «Шуба – лучший подарок для девушки, – например, заявляла она, – покупайте шубы из стриженной норки в нашем бутике „Зимний бобер“. Только в этом месяце, фантастические скидки!» Попытки переубедить ее нагляд-

но, в том числе демонстрацией очень милого документально-го фильма Би-би-си про бобров, чтобы Оленька прониклась симпатией к меховым животным и антипатией к меховым изделиям, тоже не удались. Сдавшись после многодневной осады, Серега купил проклятую шубу. После чего Оленька переключилась на ювелирные украшения. Впрочем, главное было все-таки не в бобрах и колечках, а в том, что с Оленькой оказалось не о чем поговорить. Она могла обсуждать только телевизионный мусор, который поглощала с экрана без разбора и в больших количествах. Жаль, что Сергей не понял это с самого начала. Или, по крайней мере, до шубы, чтобы хотя бы сберечь несколько маленьких меховых жизней.

Поэтому названия шоу он худо-бедно написал. Дальше были не менее странные вопросы насчет отношения к инопланетянам, гаданиям, шаманизму, вуду и прочему, что, казалось бы, не должно иметь ничего общего с «Бензин-промом».

Потом за Сергея взялась говорливая девочка из отдела поддержки персонала. Вручила тонкие, красочно оформленные книжицы с наказом выучить наизусть. В одной описывалась миссия компании, в другой – гимн и речовка, которую предлагалось исполнять ежедневно, перед началом рабочего дня. Потом девочка продемонстрировала рекламный ролик «Бензин-пром» с такой гордостью, как будто сама разливала бензин на всех перечисляемых в ролике колонках. Заскучав,

Сергей осторожно поглядел в книжку с речовкой, наткнулся на фразу «Наш бензин горит, двигатель жизни кипит», подавился и поспешно закрыл методичку. Про миссию он на всякий случай читать не стал.

Ознакомиться полностью с печатными материалами не успел – Вадим пригласил его в кабинет. Отечески поулыбался, расспросил о первых впечатлениях. Заметив в руках нового сотрудника яркие книжки, почему-то рассердился, отобрал речовку и принялся распекать по внутреннему телефону девочку из персонала.

– Сколько раз повторять, – орал он, – разработчикам речовок не давать! Вы мне что тут, вообще хотите отдел угробить?! Миссию – можно. Один раз прочесть. И все, вам там ясно?

Сергея слушал растерянno, удивившись неожиданной вспышке Вадима чуть ли не больше, чем дурацким вопросам в сегодняшней анкете.

* * *

Первые задания были странными. По мнению Сергея, к основной деятельности «Бензин-прома» они никакого отношения иметь не могли. Он хотел было спросить Вадима, но все не удавалось никак с ним поговорить. Последний раз Сергей встретил шефа в коридоре в компании удивительного персонажа – высоченного негра в шелковом черном костю-

ме, с гроздью тяжелых и разноцветных ожерелий на шее. Среди цветных бусин, перьев, узловатых корешков на одной из ниток присутствовал маленький, с кулак, череп.

– Привет-привет! – обрадовался Вадим. – Давно мы не. Как дела? Вижу, что хорошо. А это наш консультант, Нбага, потом вы еще будете работать вместе. – Он повернулся к негру и, широко улыбаясь, протараторил, видимо, ответное представление на неизвестном Сереге языке.

Консультант ухмыльнулся, сверкнув ярко-белыми и острыми, как у хищника, зубами. Череп на его шее качнулся, и Серега разглядел, что это не поделка, а самый настоящий череп, с остатками кожи и волос на высохшей макушке. Его замутило. Консультант, заметив это, оскалился еще шире.

«Обезьяний, наверное», – подумал Серега, глядя вслед удаляющемуся негру. Не может ведь это быть человеческий череп... или, скажем, детский? И вот интересно, по какому поводу он тут консультирует, с этими черепами?...

А через пару недель Вадим сам пригласил Серегу к себе. Нбаги с черепом, к счастью, на этот раз рядом с ним не было.

– А, привет-привет! – шумно обрадовался Вадим. – Давно мы не. Вот и повод – поедem на наш полигон. Ты ведь еще не?

– Какой полигон? – удивился Серега. – Я не. То есть ничего не знаю. Вы тут разве какое-то оружие разрабатываете? Он попытался примерить выполненные задачи к этой ги-

потезе и решил, что при определенной фантазии...

– Хо-хо, – сказал Вадим. – Мы не. Пока. Хо-хо. А в будущем – почему бы и не? Перспективы богатые, ты бы знал. Ну, собирайся. Вещей не бери – все будет. Выезд завтра.

– Мы разве надолго?

– Почему бы и не?

Смысл мечтательной улыбки Вадима Серега понял только на следующий день.

* * *

Вместо полигона они приехали в загородный дом. Точнее, усадьбу. Серега даже пару раз ущипнул себя за запястье, проверяя, не снятся ли ему фантазии о жизни помещиков в царской России.

Возле входа, перед портиком в греческом стиле, их встретила толпа ряженных крестьян. Бабы в сарафанах и кокошниках, мужики в рубахах, холщовых штанах и лаптях.

– Барин приехал! – нестройным хором заголосили они, окружая подъехавшую машину. – Долгие ле-ета!

– Потом, братцы, потом, – отмахнулся Вадим, но по лицу было видно, что ему приятно.

Серега наблюдал за происходящим ошарашенно.

Из дома выскочила девушка в алом сарафане, низко поклонилась гостям, подметая землю кончиком длинной косы.

– Заждались вас уже, барин, – смущенно пробормотала

она. – А все нет и нет.

– А вот он я, – заявил Вадим, подцепил пальцем ее за подбородок, чмокнул в губы и, обернувшись, весело подмигнул изумленному Сергею.

В гостиной возле окна сидела еще одна девушка, на этот раз в обычной одежде, в джинсах и футболке, с ноутбуком на коленях.

– Здравствуй, Аня, – сказал Вадим.

– И тебе того же, – отозвалась девушка, не отрывая взгляд от монитора.

Серега перевел дыхание. Он испугался, что и она тоже бухнется на пол, будет бить поклоны и голосить, что барин приехал.

– Как тут у нас? – озабоченно спросил Вадим.

– Да зависает, – вздохнула Аня.

– До сих пор?

– А я говорила, что нельзя все параметры обнулять?

Девушка сердито захлопнула крышку ноутбука и только тут заметила Серегу.

– Это Аня, наш тестировщик, – представил Вадим. – Она тебе все тут покажет по работе. Потом. Аня, это Сергей, наш новый начальник разработки. Ты с нами пообедаешь?

– Спасибо, сыта, – буркнула девушка. Поднялась, подхватила под мышку ноутбук.

– Ну как хочешь, – с видимым облегчением согласился

Вадим. – А я пока распоряжусь, чтоб несли. – Он торопливо вышел за дверь.

Аня направилась было следом, но, проходя мимо Сереги, запнулась. Нагнулась, поправляя босоножку, и вдруг прошептала, косясь в его сторону:

– Приходи после заката к пруду.

Распрямилась и ушла, столкнувшись в дверях с Вадимом.

– Красавица, – фальшиво вздохнул ей вслед Вадим. – Но такая строгая... Ну и ладно. Тут у нас и без нее... А, вот и уха! Давай за стол!

Уха и вправду удалась. Наваристая, ароматная, густая. Под нее хорошо пошла самогонка, настоящая на меду и смородиновых листьях самой бабой Нюрой, первой мастерицей по такому делу. А под самогонку хорошо пошли малосольные огурчики авторства той же бабы Нюры. И вареная молодая меленькая картошечка, щедро сдобренная маслом и укропом. А потом – блины с икрой и соленой рыбой. Под блины Вадим начал говорить, наконец, про работу и полигон – но все это звучало так дико и нелепо, что Серега только хихикал и недоверчиво кивал в ответ. А иногда задавал ироничные и остроумные вопросы – так сказать, уточнял. Тут хохотал уже Вадим. Так, взаимно восхищаясь чувством юмора друг друга, они заели беседу нежнейшими пирожками с вишней и запили вишневой же наливкой.

Потом все как-то рывком переместились в баню, где окружающее совсем потеряло привычные очертания и смысл. А

когда из густого дыма материализовались полуголые девицы, игриво помахивая березовыми вениками, смысл опять появился, но совсем не тот, что прежде.

Но посреди горячего угара, когда лицо одной из веселых банщиц склонилось совсем близко, Серега вдруг очнулся. Будто вынырнул на поверхность. Как рыба, которую дернули из уютной теплой глубины и швырнули на лед.

Глаза склонившейся над ним девушки были пустыми. Как у куклы. Или мертвеца.

Серега в ужасе зажмурился, вдруг осознав происходящее. И почувствовал, как крепко прижимается к нему горячее тело. «Да нет же, – возразил он сам себе, – не может быть!» Он так и не открыл глаз. Чтобы не смотреть в ее лицо. Чтобы верить в то, что она живая.

* * *

– Вообще, – объяснила Аня, – тут есть две технологии. И обе, кстати, давно используются.

– А этот Нбага, он...

– Ну да. Тут, видишь, есть стереотипы, как везде. Возьми фильмы ужасов или книги. Это все – чтобы перенаправить страх. Потому что явление есть, и интуитивный страх, с ним связанный, – есть. Его никуда не денешь, можно только пустить по другому руслу, как реку отводят в сторону, когда

мешает. Пусть боятся мертвых, но таких, каких мы скажем. Пусть боятся мертвого тела, оживленного чужой волей. Хотя чего тут страшного, когда такие существа, если бы кому вообще пришла охота их создавать, во-первых, недолговечны, во-вторых, ущербны, а в-третьих, их запросто можно отличить от живых и избегать. И никто не задумывается, что куда опаснее и страшнее тела живые, но с мертвой сердцевинкой и сутью. Те, что живут чужими желаниями и волей.

– Ты говоришь, это всегда было?

– А разве нет? – Она пожала плечами. – Я говорила, что есть две технологии. Первая – замещение. Обычная. Даже обыденная. Это когда в тебя разными средствами постепенно вкладывают чужие желания и ценности. Как бы замещают твои собственные желания, мысли, идеи, двигают их в сторону, оставляют им все меньше места. В критических случаях – совсем замещают. Это трудоемкий и долгий процесс, но самый надежный. Его давно используют. В рамках стран и народов – идеологи, маркетологи, вожди всяких видов и калибров. Гитлер, например. Или рекламист, который убеждает тебя купить новый айфон, на самом деле тебе не нужный. И по мелочам, скажем, в рамках семьи. Например, типа десять способов заставить его жениться. Такие техники НЛП бытового уровня. Мелкие, но такие же отвратительные. Вот, а вторая технология – из вудуизма. То самое оживление мертвецов. Полная перезапись. Сначала убить личность, а потом записать на чистое место новую. И тут, Сережа, всту-

паешь в дело ты. И я, — она вздохнула. — Потому что техника Нбаги, безусловно, рабочая и проверенная, но неэффективная. Нбага может нам все убить, но записывать он умеет только отдельные команды. Пойти и принести что-то. Пойти и задушить кого-то. Точка. А для получения более или менее полноценных зомби, которые, собственно, всех и интересуют, нужна полноценная программа. Полностью заменяющая убитую личность. В первом случае исходная среда остается, туда просто добавляется стороннее дополнительное приложение плюс приоритет выполнения; во втором — нужно написать заново сначала операционку, а потом все остальные приложения. А задача эта, как ты знаешь, нетривиальная. Для простых кодеров типа Нбаги непосильная. А для тебя?

— Я не понял, — помолчав, хмуро спросил Сергей, — ты меня пугаешь или уговариваешь?

— А ты как думаешь? — Она зябко поежилась, хотя солнце уже взошло и нагревало плечи. — Представляешь, если у них получится то, что они придумали? Мы ведь на самом деле им не нужны, живые. Никто им живой не нужен. Зачем им чужие желания, мысли и ценности? Им довольно будет рабов. Они нас всех уничтожат, Сережа.

Она замолчала, неподвижно глядя на воду, хмурясь и кусая губу. И Серега вдруг представил, как ее лицо становится безвольным и пустым, как из этих встревоженных глаз уходит свет, волнение и нежность. Припомнилась мертвая девица в бане. И ему стало страшно.

– То есть нас с тобой, может, и не тронут, – усмехнулась Аня, поймав его взгляд. – Пока. Пока мы устраиваем их как работники. А вот остальных... Они ведь давно пытаются это сделать. И всегда пытались. Во всех странах и во все времена. Превратить людей в покорное стадо, которым просто управлять. Разными способами. Телевидение и другие СМИ, – самые мягкие из них, хотя и действенные. Но при всех этих способах, пока сам человек жив, у него есть возможность сопротивляться. Оставаться самим собой. Жить свою жизнь, а не ту, которую тебе навязывают. Но если они научатся нас сначала убивать, а потом оживлять, этой возможности ни у кого не будет. И у человечества тоже.

Она помолчала, потом добавила:

– Знаешь, Вадим говорит, это такой вирус. Он внутри каждого. Каждый потенциально готов стать зомби. Подчиниться, следовать за ведущим, забыть о себе. И слабые рано или поздно заболевают. А сильные – нет. Как с любой болезнью. И что такая схема необходима для выживания человечества. Когда массы безропотно следуют за вождями и умирают по их слову. Что так было всегда и ничего принципиально нового сейчас в этом смысле не делается. Он меня почти убедил. И я тогда решила, что я тоже в этом смысле зомби. А значит, он во всем прав.

– Не прав, – перебил Сергей.

– Не прав, – согласилась Аня. – Это как в манипуляциях, в этих жутких техниках зомбированного программирования.

Они много говорят о неважном, чтобы ты упустил главное и сделал неправильные выводы. А главное, что человечества в этом случае нет. Есть мертвецы. И другие мертвецы, которые ими управляют.

* * *

– Чего это ты тут, Герасим? – Вадим с неохотой оторвался от ленивого созерцания потолка под нежные переливы фортепианной пьесы.

Велел – сыграй, дуся, что-нибудь лиричное, вот и старается, умница. Правда, без огонька, скучновато. Может, замутить что-нибудь необычное? Скажем, гладиаторские бои. И медведя можно велеть поймать. Друзей пригласить, пусть завидуют. Реклама заодно. Дядя велел потихоньку продвигать идею в массы. Готовить почву. Он, конечно, будет недоволен, если жертвы. Зато красиво и зрелищно. Надо еще сказать Сергею, пусть перепрошивку сделает, хотя бы трем-пяти мужикам, чтобы по-латински говорили. И манеры чтоб. И еще тоги. «Желаю думать, что я в Древнем Риме», – вспомнил он цитату из старого фильма. И, вдохновившись, почти ласково посмотрел на дворника, стоявшего на пороге с лопатой наперевес.

– Снег, что ли, выпал? – изволил пошутить Вадим. – В июле?

Но тут, отодвинув Герасима в сторону, вошли еще пятеро

мужиков, как раз тех, которых Вадим решил было определить в гладиаторы за могучую фигуру. В руках у них почему-то были вилы. Последней выдвинулась в залу баба Нюра, обычно улыбчивая и пустоголовая старушка, годная только на приготовление самогонов и наливок. Теперь она была серьезна и сосредоточена и в одной руке держала сияющую, как ясный месяц, косу, а в другой – горящую свечу. С улыбкой рассмотрев мужиков, вооруженных хозинвентарем, от вида бабы Нюры Вадим дрогнул. В неверном свете свечи, отразившемся от стального загнутого лезвия, почудилось ему что-то страшное, неотвратимое.

– Вы что это тут, а? – неожиданно осипшим и слабым голосом спросил он. Музыка за его спиной смолкла.

– Мы тута... – басом неторопливо начал Герасим, в присутствии барина обычно робевший и немевший. – Революция у нас. Свержение зарвавшейся власти.

– Революция! – с энтузиазмом подтвердили его товарищи с вилами. И один из них добавил, ехидно скалясь: – А не пошел бы ты, барин, отседа, пока не огреб. А то всякое бывает, когда революция.

– И электрификация всей страны, – добавила баба Нюра, взмахнув свечкой.

Вадим услышал вздох за спиной. Обернулся, предполагая увидеть сползающее на пол обморочное тело. Но девушка в старинном платье, усмехнувшись ему и заложив локон за ухо, вдохновенно заиграла «Вставай, проклятьем заклей-

менный...».

* * *

– А если... когда все закончится, – тихо сказал Серега в самое ухо Ане – маленькое и нежно-розовое, как морская раковина, – то есть когда начнется...

Он увидел, что Аня улыбается. Странно, какими путаными и неуклюжими становятся слова в ее присутствии. Особенно, когда смотришь в ее чудесные и такие живые глаза. «Надо успеть, – подумал он. – Надо успеть ей сказать».

– Ань.

– А?

– Я бы, наверное, умер без тебя. То есть... Знаешь, я даже не замечал, как это уже происходит. Почти невозможно оставаться живым среди мертвых. Потому что постепенно сам становишься таким. И Нбаги не надо, и никаких программ. Как будто это правда вирус. Знаешь, Леха сказал, что изменить уже ничего нельзя. Только бежать. А я подумал: «Чего это мы должны бежать, когда тут наш дом и наша страна?»

– Не должны, – согласилась Аня. – А какой Леха?

– Ты не знаешь. Мой друг. Коняев. Классный программмер. Лучше меня. Он бы тут мог, но...

– Коняев? Так он же и сбежал. Его Вадим звал сюда работать. Я его успела предупредить до того, как он бумаги подписал. Да он и сам догадался. Испугался и сбежал. А гово-

ришь, лучше тебя. – Аня презрительно фыркнула.

Сергеа улыбнулся.

– Спасибо. А теперь смотри, – он повернул к Ане монитор ноутбука. – Охранникам я заложил на это обработку исключения. Ничего такого, они просто минут на десять зависнут. В лог, то есть в память, ничего не запишется, следов не останется.

– А ты когда это все придумал?

– Это не я.

– Как?

– Это ты. Когда ты сказала про вирус. Ну, я и подумал, чего мне эти все вирусы. Тьфу. Что я, сам не умею их писать, вирусы?

– Подожди. – Аня тронула его за руку и чуть повернула экран к себе. – Разве так должно быть?

– Я не знаю, Ань.

– Что?!

– Я не знаю, как должно быть дальше.

– Но ведь ты сам это написал?

– Знаешь, я подумал – а чем это лучше? Ну, стереть старую программу, а потом записать новую. Перезомбировать, понимаешь? Чем это лучше того, что с ними сделали?

– Они ведь... – Аня растерянно посмотрела на него и снова перевела взгляд на экран. – Они ведь теперь не смогут сами...

Девушка, игравшая на фортепьяно, замерла, задержав ру-

ки над клавишами. Ее напряженное лицо расслабилось, перетекло в безмятежную кукольную маску. За ее спиной баба Нюра изумленно разглядывала косу, которой только что пыталась срезать с люстры хрустальные подвески.

– Они не смогут, – повторила Аня.

– Я, в общем... – Серега запнулся. Ему было страшно, но он старался, чтобы Аня не заметила. И еще старался не смотреть в монитор, на замершие в нелепых позах фигуры – как в фильмах ужасов про настоящих зомби. – Я, в общем, не уверен, но вдруг у них получится, а?

Он не знал, что делать, если не получится. И не знал, как рассказать Ане про то, что взломал заодно и почтовый сервер, когда добирался до исходников. И понял, что уже слишком поздно. Потому что первая цепочка кодов уже несколько дней назад пошла по Первому каналу. Как раз во время вечерних новостей, чтобы захватить аудиторию побольше. А на следующий день анализ телеопросов и мониторинг интернет-площадок подтвердили успешное завершение первого этапа. И теперь пути назад нет. Наверное, Леха все-таки прав, можно только бежать, желательно подальше. Или надеяться на почти невозможное – что они как-нибудь смогут. Сами.

– Давайте, – сказал Серега. Подвигав камерой, он приблизил сперва одно застывшее лицо с пустыми глазами, потом следующее. – Вы ведь живые. Живые! Ну! Хоть что-нибудь сделайте сами!

Ирина Лазаренко

Если я не дойду

14 января

– Вся семья Кругловых решила использовать право забвения, чтобы смириться с нищетой, в которой ей отныне предстоит жить, – жизнерадостно тараторит диктор.

Я делаю медленный глоток кофе.

– Потеря единственного жилья из-за просрочки по кредиту и автоматическое снижение социального статуса – крайне травматичная ситуация, – продолжает диктор.

Хм, кто-то сомневается? Среднестатистический телезритель настолько туп?

– Это подтверждает целый ряд исследований и независимых опросов, – строго добавляет диктор, и я понимаю, что со средним телезрителем все действительно очень плохо. – Поэтому предполагается, что право забвения для семьи Кругловых будет реализовано по полису обязательного медицинского страхования.

Смотрю в чашку. Гущи там – едва не на полпальца, пора вызывать кухонного техника.

– Давайте послушаем комментарии от кредитного отдела банка, а потом возьмем небольшое интервью у представитель колллекторской компании...

– Потухни! – сердито велю я, и экран послушно темнеет.

Без него в столовой становится оглушительно тихо, пусто и светло.

Итак, еще три человека выбрали забвение. Может быть, правильно сделали. В конце концов миллионы людей с пониженным социальным статусом живут себе «Подмостом» – в подземном поселении нищих, где получают свою гарантированную долю соцобеспечения и защиты. Но вдруг именно эти Кругловы смогли бы в будущем выбраться из нищеты, найти другое жилье или даже постоянную работу – если бы только захотели помнить, как жили прежде?

Нет. Наверное, нет. Будь Кругловы из тех счастливиц, у кого еще остались родственники и друзья, – они бы не выбрали забвение.

Мне на плечи ложатся теплые ладони, и я вздрагиваю.

– Ты не виноват, – говорит Анфиса.

Конечно, я не виноват. Если бы я изобрел вилку, а другие люди решили, что будет здоровски непрерывно тыкать себя ею в глаз, разве это была бы моя вина?

Но вообще-то предполагалось, что забвение будет использоваться для очистки людских голов от информационного мусора.

Черная простыня телевизионного экрана укоризненно смотрит на меня со стены. Мне кажется, я вижу на ней силуэты тех банковско-коллекторских представителей, которых обещал мне диктор, – это какие-нибудь не очень дорогие роботы, заученными фразами поясняющие, как им, конечно,

жаль, но согласно буквам договоров...

Отставляю чашку. Анфиса ерошит мне волосы, я ловлю ее теплую ладошку, целую пальцы.

– Пора бежать.

– Что сегодня? – спрашивает она с иронией. – Лабораторная работа или сеанс спасения утопающих котят?

– Сегодня котята.

Поднимаюсь из-за стола, оборачиваюсь. Анфиса смотрит на меня, склонив голову и улыбаясь уголком рта. На ней моя рубашка, волосы взъерошены. Лицо совсем не выглядит зашпанным или опухшим, как бывает с утра, – удивительная особенность Анфисы.

– Можешь снова стать моим лаборантом – будем спасать котят вместе, – говорю я.

Это не совсем шутка. Знаю, что Анфиса не согласится, но мне очень не хватает в работе ее необычного мышления.

– Нет, спасибо, – ее обычный ответ. – Я лучше поцелую за тебя Викторию.

– Викторию я сам за себя поцелую.

Дочь играет со щенком во дворе. Она сидит на термопокрывале – губки бантиком, носик пуговкой. Моя Виктория, «Никакая не Ви-ика и не Вику-уся, ясно?». Неловкой ручонкой бросает теннисный мяч, и он раз за разом летит прямо в заросли клубники. Робот-щенок с неизменным энтузиазмом приносит мяч обратно и даже почти не топчет клубнику.

Присаживаюсь рядом.

– Привет, папа, – старательно выговаривает Виктория и обнимает меня неловкими короткими ручонками. – Ты сейчас уйдешь работать надолго-долго?

Щенок крутится под ногами, требует внимания. Совсем как настоящий, только робот.

– Я почитаю тебе вечером сказку, – обещаю дочери.

– Хорошо. Про Айболита.

Виктория не любит выходить из дома. Анфиса говорит, это просто возраст такой. А я, признаться, даже рад: мир за пределами нашего дома взвинчен и перекошен, и это еще самое мягкое, что можно о нем сказать – уж поверьте человеку, который занимается забвением.

Я не знаю, как будет жить Виктория в этом мире, когда вырастет, но сейчас она точно способна без него обойтись.

Возможно, в будущем он станет лучше. Возможно, я сумею что-то сделать для этого.

* * *

– Добрый день, Вадим! – жизнерадостно приветствует меня медбрат.

– Добрый день, – бросаю взгляд на бейдж, – Ив-Три.

Медбратья – все на одно лицо, хотя старики из этого дома уверяют, что умеют их различать.

– Как сегодня?

– Отличный день! Ни одного происшествия! Все в штат-

ном режиме, все довольны, умыты, накормлены! Осмотры проведены, процедуры назначены, досуг обеспечен!

Румяное лицо робота излучает энтузиазм и очень потешно смотрится в сочетании с широченными плечами, мощным торсом, колонноподобными ногами. На самом-то деле медбратья не столько большие, сколько рельефные, хотя им не обязательно быть такими. Но пациенты, видя внушительную статью, прекращают тревожиться: «А вы точно меня не уроните, а вы сумеете меня донести, а вам не тяжело?»

Под ногами бегают кошки, мячуют, задирают головы, чтобы посмотреть на меня желтыми глазами, обвивают хвостами ноги. Я знаю, что это роботы, как и мой домашний щенок, но если бы не знал – никогда бы не догадался.

Протягиваю медбрату флешку. Он кивает – знает, кому отдать, и знает зачем. Действия мои частично согласованы с руководством старческого дома, частично – являются частью эксперимента, одобренного гораздо, гораздо выше.

Киваю Ив-Три, шагаю по коридору. Кошки тут же теряют ко мне интерес, они запрограммированы оказывать внимание малоподвижным объектам. Коридор длиннющий, светлый, на стенах – репродукции картин, которых я не узнаю. Все, что касается искусства, прошло в свое время мимо меня.

Открываю дверь в двенадцатую палату.

– Здравствуйте, Анна Сергеевна.

У нее совершенно не старушечья гордая осанка, она вы-

сокая, вся какая-то угловатая, острая. Сидит в кресле-каталке с невообразимо прямой спиной, аккуратно причесанная, в строгом синем платье из шерсти. В руках у нее – вязальный крючок, под ногами – клубок, который лениво трогает лапой толстая рыжая кошка. Анна Сергеевна вяжет салфетку. В ее комнате повсюду вязанные салфетки.

– Здравствуйте, мой дорогой.

Я иду к окну, открываю створку. В комнату вплывает запах умирающих листьев – это лучше запаха тоски.

– Как ваша сиделка?

Анна Сергеевна откладывает вязание на тумбочку, и я вижу в ее движениях сдерживаемую нервозность.

– Знаете, Вадим, мне сложно сказать. Она очень живо описывала сплав по горной речке, понятно было, что это действительно воспоминание, а не выдержка из справочника, какие обычно выдают роботы, когда просишь их что-нибудь рассказать. Поначалу это было восхитительно! Но, мой дорогой, вы простите жадную до впечатлений старуху – я начала выпытывать подробности, понимаете? Мне решительно все было интересно: как брызжет в лицо холодная вода, как захватывает дух в водовороте, как сопротивляется стихия гребцам... И тут стало понятно, что сиделка, которой вы внедрили это воспоминание... понимаете, она *помнит*, но не может его *прочувствовать*.

Угу. Понимаю. В лаборатории мы использовали более совершенных роботов, из тех, что по-человечески реагируют

на прикосновение, температуру, яркость света, однако разницы почти не было. Они же действительно не чувствуют, этого ограничения ни на какой козе не объехать.

Виноватый взгляд Анны Сергеевны не сочетается с ее королевской осанкой.

– О, дорогой, я ощущаю себя капризной старухой, ведь мне, если подумать, дано не так уж мало! Даже возможность, я так скажу, подпитаться *настоящими*, новыми для меня воспоминаниями другого человека, пусть и посредством робота... это ведь куда больше, чем есть у большинства других желчных стариков. О, дорогой мой, как же обидно заканчивать жизнь, сидя здесь и перебирая все, чего не случилось! Да, не случилось, не сбылось, не произошло, хотя кто виноват в этом, если не я сама? О, если бы знать, что пятьдесят лет назад я бездумно тратила время на такую ерунду, которая этого не стоила! Если бы только я могла прожить эти годы иначе! Накопить другие воспоминания! Каждое из них было бы бесценным утешением для меня, но, видите, мой дорогой, я прожила жизнь чопорно и скучно, а в итоге оказалась здесь, и все мое утешение – это вязание и кошки-роботы!

Сочувственно похлопываю пожилую женщину по спазматически сжатым рукам. Она, как и многие другие обитатели старческого дома, мечтает получить чужие воспоминания, которые оказались не нужны владельцам. И у нас есть некоторое количество относительно безопасных воспоминаний,

не способных травмировать реципиента, – но мы не умеем внедрять их людям. Только год назад мы научились сохранять и оцифровывать обрывки памяти, пару месяцев назад на самых верхах согласовали единичные эксперименты по наделению роботов чужими воспоминаниями. Но распаковать их в обратном направлении и вложить в головы людям... Мы работаем и над этим тоже, но до решения задачи еще далеко. Да и как будет воспринято такое новшество – сказать трудно.

Мы с трудом добились разрешения внедрять воспоминания роботам, хотя общеизвестно, что на современной программной базе они не могут осознать себя личностью. Лабораторные образцы, наделенные человеческими воспоминаниями, не проявляли никаких отклонений, но я подозреваю, что здешние «осчастливленные» модели утилизируют и заменяют – во всяком случае, мы не смогли добиться возможности изучить их.

Нет, я понимаю, одно дело – давать роботу программные установки: ты такой-то, занимаешься тем-то, вот твоя биография, и совсем другое – вкладывать в бионическую голову обрывки памяти настоящего человека.

– Вы же знаете, дорогой, для нас, живущих здесь, это было бы отрадой. И каким-никаким развлечением. У нас осталось так мало собственных воспоминаний, друг о друге мы тоже знаем все, все эти истории столько раз вытаскивались на свет божий и пережевывались, что истончились и поблекли про-

сто до безобразия... Ах, как жестоко раскаются в будущем люди, которые отказались от своих воспоминаний в молодости, – бездумно, безмятежно, как все, что мы делаем, пока старость не взглянет на нас из зеркала!

– Бывают действительно травмирующие истории, – говорю я. – Очень плохие. Больно даже думать о том, чтобы пережить такое...

Анна Сергеевна меня не слышит. Она думает о своих делах. Они ее, скорее всего, не помнят или не помнят, что отвезли ее в старческий дом. Люди, избавившиеся от родителей или детей, обычно проходят через забвение: чувство вины их травмирует, знаете ли, хотя общество уже почти перешагнуло рубеж, за которым подобные действия считаются порицаемыми. С каждым годом понятие семьи уходит в прошлое, мир становится иным. Чем шире шагает по планете роботизация, тем меньше смысла остается в самом существовании людей. Государства заботятся о них, идя по пути наименьшего сопротивления: благодаря роботам почти любой продукт производится быстро и стоит дешево, но объективно – столько людей планете не нужно.

Оставленным на произвол судьбы детям забвение не делают – недостаточно данных о его влиянии на детский организм. Старики отказываются от процедуры сами, даже если у них есть такая возможность – одним легче простить детей, чем перестать их помнить, а другие просто боятся. Говорят: «От моей памяти и так немного осталось, не хочу доброволь-

но отрезать еще одну часть». Возможно, некоторым из них стоило бы кое-что забыть: устранение фрагментов памяти — для организма настоящая рана, и он поступает соответственно: наращивает на ее месте новую ткань, в данном случае — создает ложные воспоминания.

— А еще, знаете, — доверительно говорит Анна Сергеевна, — меня совершенно бестактно игнорирует Михаил Андреевич. Даже не здоровается. Всякий раз, когда медбрат провозит меня по коридору и мы встречаемся колясками с Михаилом Андреевичем, он делает вид, что не замечает меня.

Я, признаться, слегка растерян и не знаю, как должен реагировать. У Анны Сергеевны чуть краснеют щеки, она наклоняется вперед, роняя с колен недовязанную салфетку, и страшным шепотом говорит:

— Вадим, дорогой, вы же специалист по вопросам памяти, так скажите: ведь не мог же Михаил Андреевич попросту забыть меня?

* * *

Страшно подумать, до чего докатится мир, когда на рынке появятся портативные забвения и процедуру станет невозможно контролировать. Мы-то будем тормозить их распространение до последнего: даже наш жадный Арам, мегаменеджер и мозг проекта, цепенеет, представляя мир, где у каж-

дого балбеса в кармане есть свое личное маленькое забвение, пользоваться которым можно в любое время.

У меня – есть. У Арама есть. И еще у пары человек. Когда-то они создавались для лабораторных испытаний, потом были заменены приборами помощнее. Теперь лежат у нас в запертых ящиках столов, как ядерные кнопки или пузырьки с черепушкой и костями. Напоминание о нашем вкладе в изменение общества. О том, сколько всего нужно сделать, чтобы компенсировать негативные стороны забвения, чем мы и занимаемся во всех этих старческих домах.

Мы должны найти способ передавать воспоминания от человека к человеку. А потом будем решать вопрос качества этих воспоминаний: никто ведь не захочет отдать хорошие. Где мы будем искать людей, которые в прежние времена назывались волонтерами? В «Подмосте»?

* * *

– О, если я не дойду,
Если в пути пропаду,
Что станется с ними, с больными,
С моими зверями лесными?

И сейчас же с высокой скалы
К Айболиту спустились орлы:
«Садись, Айболит, верхом,

Мы живо тебя довезем!»

Виктория слушает, разинув рот и забыв про печеньку. Вечернее чтение – наш важнейший ритуал, дочь ни за что не согласилась бы просто запрограммировать книгу на чтение моим голосом. Да и я бы тоже не согласился.

В свете настольной лампы видно, какие мягкие и гладкие у Виктории волосы, словно с картинки. В ногах кровати лежит щенок, помахивает хвостом, подергивает ухом – совсем как настоящий, только гипоаллергенный и тапки не грызет.

Дверь в детскую открыта, и слышно, как в кухне льется вода, постукивает нож по дощечке, бубнит в телевизоре диктор.

Каждый день, возвращаясь домой, я будто впрыгиваю в пятно теплого света из хаотично колышущейся тьмы.

* * *

19 февраля

Записи в толстой тетради. Да-да, это очень смешно и архаично, я знаю.

Разумеется, ключевые события я оцифровываю, но лучше всего мне думается, когда я вожу ручкой по бумаге. Набор на клавиатуре не дает того же эффекта: буквы появляются быстрее, чем я успеваю их осмыслить. С голосовым набором еще хуже. Поэтому у меня есть толстая тетрадь, очень

неряшливо заполненная, строки в ней пляшут и наползают друг на друга, кое-где листы вклеены, кое-где – вырваны.

Сегодня – лабораторный день. Эксперименты на людях – тут я должен добавить «Бу-га-га» и разразиться дьявольским хохотом. На деле все довольно прозаично: это добровольцы, которые нуждаются в забвении, но ранее уже проходили процедуру. В таком случае полис ее не покрывает, а обходных путей «для всех» пока не существует. Поэтому у бедолаг один вариант: добро пожаловать в лабораторию, служите науке.

Как часто можно использовать забвение? Насколько значительные воспоминания можно устранять без ущерба для личности? Где тот порог, за которым психика сломается и не сумеет создать ложных воспоминаний на месте тех, что вырваны с корнем?

Вот и мы пока не знаем.

Некоторые наши «подопытные» живут в лаборатории постоянно, потому что больше им жить негде и незачем. Благодаря им мы знаем, что даже несколько десятков небольших забвений можно последовательно зарастить ложными воспоминаниями. Одновременно – нельзя, те, кто пытался, теперь живут в безумных домах. Самый интересный вопрос: «Когда начинает размываться личность?» – и пока у нас нет на него ясного ответа; многое зависит от возраста, от жизненного опыта, числа воспоминаний, интеллекта и от того неизмеримого, что можно называть целью и смыслом жизни.

– Слушай, Вадим, – вокруг меня, как кошка из старческого дома, вьется один из постоянных подопытных, Семен. – Я вот чего подумал, только ты меня никуда не пошли сразу, ок? Смотри, короче, есть такие штуки, называются бизон-трек-шоу. Там, короче, на тракторах гоняют, сами люди, без роботов. Че думаешь, а? Можно мне на трактор в шоу? Я умею, слушай, ну почти умею... то есть я у деда в селе трактор видел когда-то. А? Вадим?

Семен тощий, белобрысый и совершенно неугомонный. Жаль было бы потерять такого парня, да и как объект для исследований он очень хорош: перенес двадцать мелких забвений и два основательных, а остался все такой же занозой. Только раньше он хотел прыгать с парашютом и дрессировать медведей, а теперь вот – гонки на тракторах.

– А я что, – пожимаю плечами, – учись, если Арам позволит. Но если тебя там переедут трактором – я тебе голову оторву.

Семен издает боевой клич и убегает, путаясь в широченных серых джинсах.

Постоянные подопытные закрывают дорогу многим разовым, поэтому мы берем только самых тяжелых, с убойно травмирующими воспоминаниями.

Денек выдался трудный, но меня спасают мысли о доме. Я знаю, что после оцифровки сегодняшних забвений буду сидеть на кухне до двух-трех часов ночи, цедить чай, а Анфиса – сидеть напротив меня в тишине и все понимать. Мы с ней

коллеги. Но она долго в лаборатории не выдержала. Ушла после трех тяжелых ночей и теперь слышать не хочет о возвращении, предпочитает скучную жизнь домохозяйки.

Раньше, кажется, люди общались с соседями, дружили семьями и что-то еще делали вместе с другими. Сейчас они занимаются либо работой с непрерывным подсиживанием друг друга, либо безнадежными попытками найти эту самую работу, а в промежутках смотрят бесконечные сериалы с нестареющими роботами-актерами и ходят ссориться друг с другом в соцсети.

У меня очень хорошая работа. Мы друг друга не подсиживаем и даже иногда разговариваем, но такое возможно лишь в немногих сферах, где пока не грозит роботозамещение.

Воспоминания, от которых мы избавляем людей сегодня, – очень тяжелые, одни из худших на моей памяти. Оцифровываем, сортируем, маленькими архивными бомбами разбрасываем по папкам, одни лишь названия которых могут лишить сна впечатлительного человека. Что только люди не делают с собой и друг с другом, когда в их жизни есть лишь сериалы, бесплодные поиски работы и дешевый алкоголь.

Можно ли к этому привыкнуть? Я не знаю. Но я не хочу однажды после лабораторного дня среди «тяжелых» прийти домой и спокойно завалиться спать – нельзя привыкать к такому.

28 февраля

Листаю свою толстую тетрадь, этот гибрид дневника, лабораторного журнала и блокнота для заметок. Я привык временами просматривать старые записи: иногда они наталкивают меня на новые решения старых проблем. Некоторые заметки кажутся смешными теперь, спустя несколько лет. А что было на вырванных страницах? Кажется, ничего. Я смутно припоминаю: некоторые разрисовала Виктория, когда я забыл тетрадь в столовой, а однажды я пролил на страницу виноградный сок, и тот впитался в пару следующих листов фиолетовыми пятнами с прозеленью, вызывающей сомнения в своей натуральной природе. Была пара депрессивных записей – потом я вырвал листы, чтобы вымести из своего журнала упаднические настроения насчет «спасения утопающих котят».

Сегодня одна из пометок напоминает мне о давно запланированном визите, который я бессовестно и малодушно откладывал. Все-таки со стариками проще...

Чужие воспоминания, наложенные на собственную шкуру, могли бы научить людей ответственности, состраданию, сопереживанию. У нас в базе – тысячи историй людей, которые своей беспечностью и равнодушием причинили другим зло: финансовый крах, увечья, глубокие душевные травмы,

смерть. Эти истории могли бы стать предупреждением, на-
зиданием, бесценным опытом, если пережить их по-настоя-
щему. Если бы нашлись те, кто еще захочет учиться ответ-
ственности и состраданию.

А еще есть люди, для которых даже воспоминания-при-
чиняющие-боль станут почти счастьем.

* * *

12 марта

– Эта женщина говорит: «Мне подойдет любое воспоми-
нание, понимаете, любое, лишь бы там человек двигался са-
мостоятельно. Я просто хочу знать, то есть нет... Я хочу *пом-
нить*, как это – ходить!»

– Она не знает, о чем просит. – Анфиса складывает руки
на груди. – Она представить себе не может, что с ней может
происходить в этих самых *любых* воспоминаниях.

– Конечно. А ее собственные – однообразны и депрессив-
ны.

Анфиса подходит к окну, долгое время молчит, глядя, как
возятся Виктория и щенок во дворе.

– Скажи, ради чего ты помогаешь всем этим людям? – на-
конец спрашивает Анфиса, и этот простой вопрос ставит ме-
ня в тупик.

Ради науки, конечно. Да, свой след в ней я уже оставил, но
кто откажется от возможности наследить еще больше? Од-

нако есть и другое, менее измеримое и не менее важное. Я только не понимаю, как это сформулировать.

Я хочу сделать жизнь других людей лучше? Но объективно она не станет лучше. Обитателей старческого дома в скором времени ждет самое настоящее забвение. Инвалиды останутся инвалидами, государству не интересно тратиться на экзопротезы: работы им все равно не найти, так не все ли равно, где лежит иждивенец – на больничной койке или «Подмостом»?

Подарить радость? Показать им, что не все в этом мире погрязли в тоске, алкоголе и безработице – или в трудоголии, если посчастливилось что-то уметь в тех областях, где пока бесполезны роботы. Но проявить внимание можно другими способами, менее трудоемкими. Я же задался целью прыгнуть выше головы. И прыгну.

– Может, ты спасаешь утопающих котят ради себя самого? – спрашивает Анфиса.

Я смотрю на ее прямую спину, обтянутую белой майкой. Анфиса смотрит на Викторию.

– Ты думаешь, я что-то делаю неправильно? Что оно того не стоит?

Анфиса пожимает плечами. Меня это сердит, и я уже открываю рот, чтобы бросить ей в спину сердитое обвинение: «Ты слишком много выдумываешь от безделья» или что-то в этом роде, но слова не идут с языка.

В конце концов это я оставляю свою семью одну на целые

дни. Девчонкам должно быть ужасно скучно.

Но они никогда не жаловались на скуку. Ни разу не встретили меня в плохом настроении. Не предложили куда-нибудь выбраться или взять отпуск – хотя не могли никогда не скучать, не хотеть в отпуск, вообще ничего не хотеть!

Во дворе Виктория бросает мяч, и щенок со счастливым визгом бежит за ним.

Едва ли у меня есть моральное право в чем-либо обвинять свою семью и бросаться обвинениями в адрес Анфисы. А вот в отпуск выбраться все-таки нужно. Хотя бы на неделю. Когда-нибудь потом.

И все-таки...

– Я делаю это не ради себя, а ради других, – упрямо говорю я прямой спине, обтянутой белой майкой.

* * *

27 марта

Уже перед выходом из дома я вспоминаю, что Анна Сергеевна снова жаловалась на старичка, который не обращает на нее внимания. То, что пришло мне в голову, – это, конечно, шутка, очень глупая, детская, но удержаться я не в силах.

– Виктория, а где тот мяч, что бабушка тебе подарила?

– Какой мяч? – Дочь сосредоточенно возюкает стилусом по графическому планшету. Пальцами рисовать проще, но Виктория не ищет легких путей.

– Сине-красный. Который мигает и воет, как баньши.

– Баньши? Я не знаю про такой мяч.

– Летом. – Я понимаю, что хмурюсь, и сильно тру лоб.

Бабушка подарила его тебе летом.

Досадовать, что четырехлетний ребенок чего-то не помнит, – очень глупо. Но моя мама приезжала в гости всего два месяца назад!

Я оглядываюсь на Анфису, но жена вдохновенно нарезает овощи. Ее прямая спина кажется мне напряженной.

Ухожу в детскую, роюсь в коробках с игрушками в поисках сине-красного мяча. Он очень, *очень* ярко светился и противно пищал. Всегда мечтал его выкинуть.

Мяча я не нахожу. Наверное, валяется где-то на лужайке, ну или он нигде больше не валяется, если Анфиса тоже мечтала его выкинуть.

Возвращаюсь в кухню.

– Анфиса, где тот воющий мяч?

– Не знаю, – тут же отвечает она и отточенным движением сметает в салатник идеально нарезанные помидоры.

Чувствую неприятный, царапающий холодок в груди и отказываюсь от поисков мяча.

– Ладно, все равно это была бы глупая шутка.

* * *

Детские дома. Инвалидные дома. Хосписы. «Подмост», в

конце концов. Мало ли вокруг «утопающих котят», которым принесли бы счастье чужие воспоминания? Прибавить уверенности в себе, дать надежду, расширить горизонты, показать, что наш мир не столь уж плох, хотя это, разумеется, неправда. Куда меня несет?

Нет ответов. Я путаюсь даже в вопросах, но не могу остановиться, не могу перестать делать то, что делаю, потому что у всех этих людей нет больше никого – нет действительно *никого*! Только такие же бедолаги, как они сами, и еще медицинские роботы – похожие на людей, бесконечно профессиональные, доброжелательные, терпеливые, бездушные.

Мне все-таки нравится думать, что вместе с воспоминаниями я даю этим роботам и кусочек чужой души, и пусть она не прирастет к роботам, не должна прирастать, не имеет права – но она и не теряется безвозвратно.

Я знаю, что этого мало, и не перестану работать над задачей воспоминаний от человека к человеку. Пока ни одна из рабочих гипотез не похожа на правду, но я неустанно прорабатываю варианты и убеждаю коллег делать то же самое.

* * *

9 апреля

В вечерних звонках всегда есть что-то тревожное, каким бы разудалым ни был рингтон.

– Здравствуйте, Вадим, это Вик-Два из старческого до-

ма, – вежливо представляется робот.

Я что-то бормочу в ответ, и дальше Вик-Два начинает таторить, словно боясь, что я его перебую:

– Мне крайне неловко беспокоить вас по столь странному поводу, но Анна Сергеевна настояла...

Затем слышится возня, и в трубке возникает голос самой Анны Сергеевны:

– Вадим, дорогой, я понимаю, что это прозвучит странно, но у меня есть вопрос, который решительно не позволит мне заснуть до разъяснения. Поскольку вы – специалист по забвению, я решилась... словом, скажите: возможно забыть то, чего не было?

– Возможно, – рассеянно отвечаю я, помешивая сахар в чашке. – Но обычно бессмысленно. Вас беспокоит что-то определенное?

– Да, дорогой, видите ли, я вдруг подумала: а что если я выдумала своих детей? Вы понимаете меня? Ведь не все же старятся «Подмостом», и не всех привозят в старческий дом дети. Что если я в свое время выбрала забвение, а моя память создала ложные воспоминания о моих дорогих малышах...

Ее голос срывается. «Малышам» сейчас должно быть лет по пятьдесят, между прочим.

– Анна Сергеевна, я видел вашу историю здоровья. Вы никогда не проходили через забвение, вам нечего опа...

– Вадим, дорогой, – голос ее крепнет, – я страшно благодарна вам за слова утешения, но все же скажите: есть ли вер-

ный способ понять, что воспоминания истинны?

Я отпиваю глоток и шиплю, ожегши губу. Краем глаза вижу, что Анфиса сидит недвижимо, сцепив под столом напряженные руки. Виктория ковыряет пирожное ложечкой.

— Да, послушайте, можно легко убедиться, что воспоминания истинны, потому что ложная память не дорисовывает полноценной картины в нашем сознании, а всего лишь латает прорехи. Если воспоминания настоящие, то в них не будет явных провалов, вы сможете последовательно восстановить всю историю своих отношений с детьми, начиная с того, как привезли их домой, и заканчивая...

У меня немеют губы. Ребра телефона впиваются в пальцы и сейчас разрежут их на куски. Анна Сергеевна щебечет в трубку какие-то благодарности, но я не могу понять слов.

Я не помню, как привез домой свою дочь.

Кладу телефон на стол. Во рту сухо, в голове — холодно и гулко. Виктория сидит, не поднимая взгляда, ковыряет ложкой пирожное. Ковыряет пирожное одинаковыми, отточенными движениями. Выверенными. Запрограммированными.

Я не помню своей свадьбы.

Смотрю на Анфису. Она сидит с совершенно прямой спиной, сцепив под столом ладони, и смотрит на меня. Ей не было скучно дома одной. Ей не бывает скучно.

Поднимаюсь на ноги. Щенок выбирается из-под стола, чтобы посмотреть на меня с запрограммированным обожа-

нием. Виктория откладывает ложку и поднимает голову. На мгновение мне кажется, что сейчас она пожелает мне доброй ночи как ни в чем не бывало.

Я смотрю на них, а они смотрят на меня: робот-щенок, моя жена и моя дочь.

Три робота.

* * *

Да, черт возьми, можно забыть и то, чего не было! Я забыл, что никогда не был женат, что у меня не было детей! Я забыл об этом настолько, что придумал даже сине-красный мяч и приезд моей мамы, которой у меня тоже никогда не было!

Сначала я мечусь по кабинету, потом обнаруживаю себя сидящим за столом перед толстой тетрадью. У меня ничего нет. У меня никого нет. Я такой же, как все эти люди в старческих домах, на инвалидных койках и «Подмостом», и вот почему я так хочу что-то сделать для них! Я – один из них!

Каждый вечер, возвращаясь домой, я впрыгивал в несуществующее пятно света. А существуют только ненужные друг другу люди, сериалы, роботы и алкоголь. И чужие воспоминания, которые мне не с кем делить, сидя в молчании на кухне до двух часов ночи. Некому читать книжки. Некого везти в отпуск.

Людей, которых я люблю, нет.

Нигде.

В дверь скребутся. Я не отвечаю, и Виктория входит без разрешения, неловко перешагивает короткими ногами несуществующий порог. Я машинально сметаю тетрадь и ручку в ящик стола.

На руках у Виктории щенки. Отличные роботы, черт побери, совсем как живые. Я хочу сказать, чтобы они убирались отсюда, но отчего-то понимаю, что никуда они не уберутся.

– Мне велено говорить тебе одну фразу всякий раз, когда ты вспоминаешь, – старательно выговаривает робот детским голосом.

– Всякий раз, – безнадежно повторяю я.

Робот выжидающе смотрит на меня. Совсем по-человечески шмыгает носом-пуговкой.

– Ну? Говори. Ты ж не отстанешь, я понял.

Ненастоящий ребенок переступает короткими ногами, покрепче прижимает к себе настоящего щенка и старательно декламирует:

– «Но если я не дойду, если в пути пропаду – что же станет с ними, с моими зверями больными?»

Я закрываю глаза.

Виктория еще несколько секунд стоит в дверях, сопит. Потом я слышу, как она выходит в коридор, переступая несуществующий порожек, и прикрывает за собой дверь.

Оглушительная тишина вползает через закрытые окна,

растекается по стенам, трогает меня за рукав холодными пальцами.

«О, если бы знать, что пятьдесят лет назад я бездумно тратила время на такую ерунду, которая этого не стоила. Если бы только я могла прожить эти годы иначе! Накопить другие воспоминания!»

«Я просто хочу знать, то есть нет... Я хочу *помнить*, как это – ходить!»

«Вы думаете, чужие воспоминания сведут нас с ума? Бросьте, мы и так уже все сумасшедшие – от безысходности, от пустоты внутри».

«Уж вы-то знаете, сколько в этом мире людей, которым осталась одна радость: ворошить прошлое».

«Что делать, когда заканчиваются воспоминания, в которых мы находили утешение? Когда они больше не приносят радости, а только выцветают и блекнут?»

И если я не дойду...

Я стряхиваю с рукавов ледяные пальцы тишины, достаю из ящика стола забвение и толстую тетрадь. Звучно шлепаю ее на стол и с треском вырываю последние страницы.

Андрей Гальперин

Невосполнимый ресурс

Питер Кауфман прекрасно знал, как выглядит комната «для уточнения некоторых обстоятельств». На государственной службе он и сам не один раз «уточнял подробности», потому не стал задерживаться в дверях, а сразу прошел к неудобному стулу у идеально чистого стола из полированной нержавеющей стали. Уселся и повернулся лицом к гладкой стене, выкрашенной светло-зеленой эмалью.

Спустя минуту пикнули электронные замки и послышались шаги. Звякнули стулья, в спертom воздухе редко проветриваемого помещения появились холодные нотки неплохого одеколona и еще чего-то едва уловимого, вроде лосьона для бритья. Щелкнул замок на кейсе. Кто-то прокашлялся и нетерпеливо постучал по столу браcлетом часов. Кауфман развернулся и стал рассматривать агентов. Их было двое. Напротив него сидел курносый блондин с внимательными серыми глазами, чуть поодаль, ближе к двери, расположился крупный парень в безупречном черном костюме. На столе – толстая красная папка, серебристый цифровой диктофон, пачка «Лаки Страйк» и крошечная фарфоровая пепельница в виде улыбающегося до ушей спаниеля.

Блондин положил руки на стол и собрал перед собой сложную фигуру из сплетенных пальцев. Некоторое время

он пристально разглядывал каждый изгиб и наконец произнес приятным, хорошо поставленным голосом:

– Добрый день, мистер Кауфман. Как проходит реабилитация?

Питер поднял руку на высоту плеча и согнул в локте.

– Спасибо. Уже значительно лучше.

Блондин покивал, придвинул чуть ближе к себе диктофон и указал ладонью на своего спутника.

– Это – агент Пек. Я – агент Эванс. Мы пригласили вас сюда для уточнения некоторых обстоятельств...

Кауфман кивнул в ответ и спросил:

– Разумеется. Я думаю, речь пойдет о событиях в Чили?

– Да.

– Как неожиданно. А господин Пек случайно не родственник контр-адмирала Лорена Риза Пека? Я даже вижу некоторое семейное сходство...

Агент Пек улыбнулся краешками губ, но промолчал. Агент Эванс слегка поморщился.

– Вряд ли ваш вопрос относится к теме нашей беседы.

– Это просто милое любопытство, – прервал его Кауфман. – Я перенес несколько операций, да и общаться в вашем чудесном заведении особо не с кем. Мой лечащий врач на редкость неразговорчивый человек, так что простите мне эту слабость. Я был знаком с контр-адмиралом Пеком, и ничуть не удивлюсь, если один из его четверых сыновей подался в разведывательное управление...

– Хорошо, но мы не будем останавливаться на биографии агента Пека. – Эванс вновь сплел пальцы и продолжил: – В Мемфисе вы подписали все соответствующие документы и согласились добровольно сотрудничать и оказать посильную помощь в решении некоторых интересующих нас вопросов, не так ли?

– Так.

– Специалисты доложили, что вы некоторое время принимали наркотические препараты в качестве обезболивающего. По вашим словам, это было необходимо для того, чтобы довести и посадить самолет на территории Аргентины. Как вы считаете, это может сказаться на ваших ответах? Не повлияют ли последствия приема наркотиков на вашу способность трезво оценивать произошедшие события?

Кауфман чуть вздрогнул и быстро ответил:

– Нет, не повлияют. Я был тяжело ранен, с учетом моего возраста и той напряженной обстановки, которая сложилась в Сантьяго в последние недели перед событиями на плато Аско, у меня не было другого выбора. Впрочем, я профессионал, поэтому совершенно уверен.

– Да, мы ознакомились с вашим досье...

– Не сомневаюсь.

Эванс придвинул одну из папок и достал несколько скрепленных степлером листов. Кауфман разглядел собственное черно-белое фото двадцатилетней давности.

– Питер Кауфман, пятьдесят два года. Холост. Детей нет.

Родился в Хьюстоне, далее не интересно... Школа, увлечения, колледж. Это мы пропустим... Так. Полк специальных операций корпуса морской пехоты, разведка корпуса морской пехоты, Харвей-Пойнт, разведывательное управление. Далее... Никарагуа, Сальвадор, Чили... Опять Сальвадор... Коста-Рика, Панама, Колумбия, снова Сальвадор. Гондурас. Отставка. Лос-Анджелес, агентство «Worldwide Guard amp;Safety», должность – ведущий специалист.

– Эксперт.

– М-да. Эксперт. Получить данные из офиса «Worldwide Guard amp;Safety» не так просто, но нам это удалось, к тому же господин Гилрой считает вас мертвым, хотя официально ведущий специалист Питер Кауфман числится пропавшим без вести. В агентстве вы занимались расследованиями, в основном опять же в странах, расположенных южнее Мексики. Все верно?

Кауфман снова кивнул.

– Чаю? Кофе?

Питер откинулся на спинку стула и отрицательно покачал головой.

– Спасибо. Минералку, если вас не затруднит. Без газа. А почему вы не курите?

– А вы? – Эванс улыбнулся и сделал жест тому, кто следит за камерами.

Кауфман в ответ хмыкнул и указал на предметы, лежащие на столе.

– Агент Эванс, вы сейчас в двух словах озвучили мою биографию. Зачем же вам эта бутафория? Перед вами не запуганный мальчишка, которому с пеленок нашептывали о прелестях Джанната, а потом отправили взрывать неверных. Я знаю, что в этой комнате на высокочувствительную аппаратуру записывается каждый звук, каждый шорох и скрип, а также видеоизображение минимум с шести точек, и где-то рядом несколько специалистов оценивают мои жесты, мимику и движение ресниц, для того чтобы потом решить – обманываю я вас или нет. Перестаньте играть со мной в эти игры. Вы знаете, что я не курю, вы изучили и запомнили каждую строчку из этих документов, вплоть до последней запятой, иначе вас бы сюда не прислали. Давайте относиться друг к другу как профессионалы. Я дал согласие на сотрудничество и отвечаю на все вопросы. Другого выхода у меня нет.

Эванс понимающе кивнул и отодвинул папку в сторону.

– Хорошо, мистер Кауфман. Давайте с самого начала.

– С какого именно пункта вы предпочитаете? Напомню, все, что касается событий в Сантьяго, а также в Куарто Ангел да ла Гуардо и на плато Аско, я подробно изложил в отчете, в пояснениях к отчету, а также неоднократно перед этим в устной форме, в том числе и в Мемфисе, лично полковнику Уиллкоту.

– Давайте будем считать, что никаких отчетов не было. Начните, пожалуй, с брифинга в Лос-Анджелесе.

Кауфман некоторое время смотрел в спокойные серые

глаза Эванса, а потом сказал:

– Вы не получили отчеты. Я ведь прав?

В комнату бесшумно вошел рослый служащий в сером мешковатом костюме, поставил на стол две бутылки «Бонаквы», один большой пластиковый стакан и так же бесшумно вышел.

Эванс опустил глаза, помолчал и ответил:

– Это несущественно, мистер Кауфман. Нам нужна полная информация для тщательного анализа событий...

– Но полковник Уиллкот...

– Полковник Уиллкот вышел в отставку. А две недели назад скоропостижно скончался в военном госпитале Сан-Антонио. Сердечный приступ.

– Вот как? – Кауфман потер пальцами веки и вздохнул. – Военный атташе Гиз?

– Не имею ни малейшего понятия. Давайте вернемся непосредственно к событиям. Итак, брифинг в офисе «Сафети» в Лос-Анджелесе.

Кауфман помолчал, словно раздумывая, а затем неспешно начал:

– Второго мая я получил сообщение из офиса. Мне предписывали оставить расследование, которое я проводил вместе с группой специалистов «Сафети» на территории Бокас-дель-Торо, и срочно прибыть в Лос-Анджелес. В офисе меня встретил начальник отдела Джесс Мэнселл и сообщил, что я отправляюсь в Сантьяго для изучения довольно спе-

цифического случая. На следующий день прошел брифинг, на котором присутствовали сам начальник отдела расследований «Сафети», его заместитель Арон Арад и представитель компании-заказчика, мистер Бьерн Хайнрих. Я получил материалы для ознакомления, а именно сведения о катастрофе транспортного MD- 11F компании «Монреаль Карго Айрлайнс» в Тихом океане у берегов Чили, которая произошла восемнадцатого марта. Кроме того, мне предоставили сведения о поисково-спасательной операции в предполагаемом районе падения самолета, а также информацию о специальной группе, посланной на место авиакатастрофы после окончания поисково-спасательных работ. Эта группа была отправлена в Чили компанией-заказчиком, которой принадлежал груз на борту разбившегося «Макдугласа».

– Кто проводил брифинг?

– Непосредственно заместитель начальника отдела расследований мистер Арад.

– Вы упомянули представителя заказчика, мистера Хайнриха?

Кауфман пожал плечами.

– Мистер Хайнрих? Он сидел, выпятив нижнюю губу, и многозначительно молчал. В конце брифинга он достал распечатку последнего рапорта своих людей, полученного из Чили...

– В Мемфисе вы сказали, что последний рапорт – это видеообращение специалистов, отправленное в адрес компа-

нии-заказчика. Значит, ролик вы не видели?

– Нет. Я получил на руки распечатку сообщения.

– Что вы можете сказать о Хайнрихе, мистер Кауфман?

Питер поднял глаза и внимательно посмотрел на Эванса.

– Хайнрих? Весьма неприятного вида пожилой мужчина, чуть ниже среднего роста, избыточный вес, легкая одышка. Волевые черты, лицо уверенного, я бы даже сказал – самоуверенного человека. Скорее всего, бывший военный. Задача выяснить подробности биографии заказчика передо мной не стояла. Самодетельность в компании не поощряется.

– Хорошо. Расскажите подробнее о материалах, переданных вам для ознакомления мистером Арадом. Подробности авиакатастрофы можете опустить.

Кауфман нацедил минералки, сделал глоток, затем встал со стула и, держа стакан на весу, прошелся по комнате. Агент Пек внимательно наблюдал за каждым его движением из-под полуопущенных век. Агент Эванс поглаживал указательным пальцем подбородок и терпеливо ждал. Кауфман допил воду, поставил стакан на стол и, облокотившись о стену, продолжил:

– Основная часть брифинга касалась моего расследования. Вернее, задачи, которую ставило передо мной руководство отдела. Не уточнялось, почему заказчик решил отправить на поиски собственную группу, после того как официальное решение комиссии было опубликовано, а поисково-спасательная операция, в которой были задействова-

ны специализированные службы с новейшим оборудованием, судами и самолетами, не принесла никаких результатов. Также я не получил никаких сведений о характере груза, находившегося на борту самолета, и о конечном получателе. Передо мной стояла задача отыскать возможного свидетеля.

– Свидетеля чего, мистер Кауфман?

Питер вернулся за стол и некоторое время молча смотрел перед собой. Наконец он вздохнул и заговорил:

– Давайте по порядку. Думаю, хронология событий вам и так известна, но тем не менее. Борт 901 рейсом из Орландо в Сантьяго через Каракас пропал с радаров рано утром восемнадцатого марта. Самолет был исправен, экипаж опытный, погода стояла отличная. Никаких свидетельств о взрыве, пожаре на борту, аварийной ситуации. Самолет просто исчез. Организованная поисково-спасательная операция не дала никаких результатов. Место предполагаемого крушения посетили специалисты из соответствующих ведомств, в том числе и американских, но окончательного мнения, касающегося катастрофы, они так и не составили. Официальная версия была такова – самолет попал в грозовой фронт, движущийся с Анд, потерял высоту и разбился при падении в океан. Обломки затонули на большой глубине. Спустя неделю после окончания официального расследования в Сантьяго прибыла группа специалистов в количестве семи человек. Двое граждан Канады, двое – Германии, и три колумбийца. Те самые люди из компании Бьерна Хайнриха. Они привез-

ли с собой поисковое оборудование и арендовали судно для водолазных работ, без экипажа. Через трое суток связь с ними прервалась. Вся группа пропала без вести в районе предполагаемого падения самолета. В последнем своем видеосообщении начальник группы передал в офис компании-заказчика информацию о том, что в океане они встретили рыбацкое судно с единственным членом экипажа. Этот самый рыбак предостерег их от поисков пропавшего самолета, не объясняя характер опасности, он посоветовал поскорее возвращаться на берег и никогда больше не приближаться к этому месту. Старшему группы одинокий рыбак показался странным, даже более того, в своем сообщении он описывает его как человека «явно не в себе», точные слова – «полностью долбанутого на всю голову». Бьерн Хайнрих считал, что этот рыбак и есть единственный свидетель.

– И компания поручила именно вам найти этого свидетеля на побережье Чили?

– Да. Именно так. Это была моя единственная задача. Найти и получить от него любую информацию о группе пропавших специалистов и о районе возможного падения самолета.

Как только Кауфман закончил, Эванс переглянулся с напарником и извлек из кейса толстый блокнот в темно-красном кожаном переплете. Некоторое время он перелистывал страницы, сделал несколько пометок карандашом и положил блокнот перед собой.

– И вы нашли этого свидетеля, мистер Кауфман?

– Да. Причем без всякого труда. Во-первых, достаточно подробное описание лодки и свидетеля, полученное мною от Хайнриха. Во-вторых... Рыбаков-одиночек на побережье не так уж и много. Промысел ведут в основном крупные предприятия и артели. Есть лишь несколько человек, которые выходят в океан ловить акул и крупных угрей на продажу. Так что никаких трудностей с поиском свидетеля не было. Я посетил набережную и порт и очень быстро нашел нужного человека. Им оказался довольно известный на побережье рыбак из Сан-Бернардо по имени Маноло Эрсилья.

Кауфман сделал ударение на имени и внимательно посмотрел на агентов. Эванс все так же бесстрастно разглядывал блокнот, Пек по-прежнему внимательно смотрел на него из-под полуопущенных век.

– Вам ничего не говорит имя Маноло Эрсилья?

Эванс оторвал взгляд от блокнота и слегка пожал плечами.

– Нет. На ваш взгляд, в имени свидетеля есть что-то особое?

Кауфман приложил кулак к губам и несколько секунд молчал, словно раздумывая. Затем неспешно проговорил:

– В том-то все и дело... Всему миру, кроме бывших и действующих сотрудников разведывательного управления, известно имя Маноло Эрсилья.

Агенты вновь переглянулись, и Эванс спросил с некото-

рым недоумением:

– Что вы подразумеваете под словами «всему миру»? И давайте будем конкретнее. Вы нашли свидетеля и опросили его? Вы получили информацию о пропавших специалистах?

Кауфман с улыбкой выслушал его и ответил:

– А вот здесь начинается самое интересное. Я действительно нашел свидетеля, собственно, он ни от кого не скрывался, и любая собака на Винья-дель-Мар могла привести к нему. Мне не пришлось придумывать легенду, использовать специфические приемы, привлекать арсенал отработанных годами мероприятий и так далее. Я просто пришел к нему домой. Но свидетель оказался практически бесполезен.

Агент Эванс заметно напрягся.

– И почему же? Он действительно «не в своем уме»?

– Да. Более чем. Ну и еще одно... – Кауфман помолчал и добавил: – Дело в том, что Маноло Эрсилья глухонемой.

В комнате «для уточнения некоторых обстоятельств» повисла напряженная тишина. Спустя несколько секунд агент Эванс осторожно, словно подбирая слова, спросил:

– Мистер Кауфман, вы утверждаете, что свидетель, который, возможно, последним видел и даже беседовал с группой пропавших специалистов, оказался глухонемым и к тому же, очевидно, не совсем психически здоровым человеком. Не хотите ли объяснить?

– Вы читали книги Харлана Вудворда, агент Эванс?

Эванс поднял глаза и недоуменно пожал плечами. Было

заметно, что вопрос привел его в некоторое замешательство.

– Вудворда? Нет, не читал. А это имеет какое-то значение?

– Имеет. Здесь все имеет значение. Вы или не обратили внимания на мою фразу о всемирной известности простого чилийского рыбака по имени Маноло Эрсилья, или просто проигнорировали, посчитав мои слова неважными в контексте данного выяснения обстоятельств. А ведь я сказал это очень серьезно. – Кауфман печально улыбнулся.

– Мистер Кауфман, насколько я понял, вы пытаетесь связать книгу какого-то Харлана Вудворда с событиями в Чили?

– Да, агент Эванс. К сожалению, первоначально я тоже не обратил на это внимания и не придавал значения совпадениям, хотя книгу Вудворда частично прочел.

– Я не совсем понимаю, мистер Кауфман, при чем здесь книга? Сейчас нас больше интересуют события в Сантьяго.

Кауфман прижал ладонь к глазам и некоторое время сидел неподвижно. Потом убрал руку, откинулся на спинку стула и заговорил:

– Все гораздо сложнее, агент Эванс. После первой встречи с рыбаком я некоторое время провел в отеле, пытаясь решить загадку. Глухонемой не мог говорить с людьми из поисковой группы по простой и понятной причине, а значит, либо это был не тот человек, либо Бьерн Хайнрих почему-то дал «Сафети» заведомо неверную информацию. Тогда я вернулся в порт и снова попытался выяснить, кто еще мог быть в предполагаемом районе. И снова наткнулся на загадку. Одна

женщина рассказала мне о том, что именно Маноло Эрсилья встретил в океане иностранцев, разыскивающих пропавший самолет.

– А откуда она узнала об этом?

– Он ей сказал.

– Глухонемой?

– Да.

Эванс чуть повернул голову в сторону коллеги и едва заметно кивнул. Агент Пек легко поднялся и вышел из комнаты. Кауфман проводил его взглядом и несколько секунд молча смотрел на закрытую дверь. Агент Эванс крутил в пальцах желтый карандаш, словно собираясь с мыслями, и наконец осторожно спросил:

– Вы не могли бы пояснить свои слова, мистер Куафман? Дело в том...

– Подождите с выводами! – Питер прервал агента и продолжил: – Вы пока не понимаете и не поймете, если и дальше будете следовать исключительно в русле примитивной логики. События, в которых мне пришлось принимать участие помимо своей воли, нельзя объяснить в двух словах. Поверьте мне. Здесь нет никакой мистики или паранормальных факторов, выходящих за пределы нашего с вами познания, но есть нечто... Назовем это обстоятельствами, которым сложно дать оценку, не прибегая к псевдонаучным объяснениям. Харлан Вудворд. Это ключ к пониманию. Точнее, его книга «Темные начала новой цивилизации». Несколько

лет назад я провел отпуск на Гавайях в обществе одной дамы. Она была без ума от идей Вудворда и таскала с собой эту книгу везде. Я заглянул из любопытства, пробежал несколько страниц, и то лишь потому, что некоторое время автор и сама книга были у всех на устах.

Эванс бесстрастно смотрел на Питера и не перебивал.

– По вашему лицу я вижу, что вы не имеете никакого понятия ни о Вудворде, ни о его главной книге. Думаю, вам придется ее осилить, и в кратчайшие сроки, потому что в ином случае мы будем говорить с вами на разных языках и любая информация, которую я вам передам, не будет иметь никакой ценности. Специалисты в управлении посчитают мои слова бредом, шизофазией, чем угодно. И будут правы, пока вы не получите ключ. Полковник Уиллкот в Мемфисе решил, что я пытаюсь водить Управление за нос. Спорю на свою пенсию, он даже толком не прочитал мой рапорт, а спихнул его по инстанциям.

– Ну хорошо... – Эванс отложил карандаш в сторону. – По вашим словам, книга Харлана Вудворда – это ключ к событиям в Сантьяго. Так что представляет из себя эта книга?

– Вы меня опять неправильно поняли, агент Эванс. Книга Вудворда – это ключ не только к событиям, которые произошли весной в Сантьяго. Это ключ к разгадке всего того, что происходит сейчас. Почему упал «Макдуглас». Почему упал «Боинг» в Египте. Почему взорвался А-330 в Париже. Почему сбили «Боинг» на Украине. Почему в Чаде голод и

эпидемия, а в Южном Судане гражданская война. Почему падает евро, растет юань и дешевеет нефть. Это ключ к разгадке, куда делась группа специалистов в Чили и почему я сейчас сижу здесь. И пока вы решаете, не сумасшедший ли перед вами, еще раз прочтите мой послужной список.

Кауфман наполнил стакан минералкой, залпом выпил и заходил по комнате. Четыре шага от одной стены к другой.

– Послушайте. Исток всего, веретено, на которое наматываются события, – это «Темные начала новой цивилизации», еще эту книгу называют «библией антиглобалистов». В 2005 году Харлан Вудворд был никому не известным ученым-экологом из скромной лаборатории где-то в Вайоминге. Год спустя Вудворд уже видный общественный деятель с армией поклонников самых леворадикальных взглядов. Его резкие выступления в защиту стран «третьего мира» будоражат общественность и вызывают негативную реакцию государственного аппарата и воротил с Уолл-Стрит. Вудворд пользуется бешеной популярностью у журналистов, он выдает один разгромный материал за другим и становится знаменитой медиаперсоной. Он издает подряд несколько книг весьма сомнительного содержания, но в 2007-м выходят «Темные начала новой цивилизации». Книга вызывает серьезный общественный резонанс и обсуждается чуть ли не на государственном уровне. Собственно, это обширная, на тысячу страниц компиляция из статей об экологических катастрофах, ненаучных допущений, вымыслов и размышлений

на футурологическую тематику. Основные тезисы, которые предлагает читателю Вудворд, – это прогрессирующее разделение человеческой цивилизации на два неравных по размеру лагеря. С одной стороны несколько высокоразвитых стран с четко ограниченным количеством населения, которые объединяются в некий конгломерат, в короткий срок обеспечивают себя всеми ультрасовременными технологиями и новыми источниками энергии и приступают к освоению ближайших звездных систем. С другой стороны большая часть человечества, которой придется довольствоваться ролью подопытных кроликов, при этом истребляя себя в бесконечных войнах на зараженной планете. Второй посыл Вудворда касался общечеловеческих ценностей, которые тоже претерпят некоторые изменения. Меньшая, но более высокоразвитая часть населения будет избавляться от основных моральных принципов, как от сдерживающих оков, все более и более отдаляя себя от основной массы.

Кауфман остановился, уперся руками в спинку стула и посмотрел Эвансу в глаза.

– Так вот, агент Эванс. Книга «Темные начала новой цивилизации» написана Харланом Вудвордом от лица некоего Маноло Эрсильи, философа, поэта и простого чилийского рыбака, наделенного даром предвидения и другими странными способностями, которые он якобы получил в результате бесчеловечных экспериментов над детьми-сиротами в тайных лабораториях, расположенных в Куарто Ангел да ла

Гуардо. И знаете что, агент Эванс?

– Что?

– Харлан Вудворд никогда не был в Чили. Он вообще никогда не покидал территорию США. Он выдумал этого персонажа для своей книги, как выдумывал до этого много разных историй. О судне под флагом Белиза, бесследно исчезнувшем у берегов Сьерра-Леоне с грузом некоего лабораторного оборудования. О случайно найденной там же, в Сьерра-Леоне, флешке с видеозаписью экспериментов над людьми. О небольшом военном перевороте в этой же африканской стране, после которого с лица земли исчезло сразу несколько поселений, где, собственно, и велась злополучная видеозапись. Все это Вудворд выдумал. Он выдумал историю про фармакологические корпорации, поставляющие в страны третьего мира препараты, применение которых изучено не до конца, и про международные гуманитарные фонды, которые ведут тщательный мониторинг последствий использования этих препаратов. И знаете, какой ресурс Вудворд считал самым ценным в своем выдуманном мире?

Агент Эванс откинулся на спинку стула, сложил руки на груди и кивнул:

– Продолжайте.

– Время. Вот какой ресурс Вудворд считал самым ценным. То, что нельзя добыть в шахтах Африки и Южной Америки. То, что нельзя купить у России или Саудовской Аравии. Что нельзя изготовить на заводах в Китае. Время.

Единственный невозполнимый ресурс. На исследования, если проводить их в ограниченном объеме и под надлежащим контролем, уйдут годы и десятилетия. Но представьте, если полем экспериментов станет весь мир? Одновременно тысяча экспериментов в реальном времени и на живых людях? Не на мышах и компьютерных моделях, а на целых социумах.

– И кто, по-вашему, этим занимается, мистер Кауфман?

– Тот, кто отправил самолет в Куарто Ангел да ла Гуардо. Или корабль в Сьерра-Леоне. В тот самый, выдуманный Харланом Вудвордом мир.

Кауфман сел на стул, веки его слегка подрагивали, лицо покрылось испариной.

– Послушайте, Эванс. Я узнал, что произошло с поисковой группой. Чей-то эксперимент вышел из-под контроля. Это был сбой в отработанной системе. Мир не получил новой сенсации, кто-то лишился огромного массива данных для анализа и обработки. Не случилось новой эпидемии очередного «звериного» гриппа, а может быть, провалился социальный эксперимент по внедрению самых современных способов управления наиболее податливыми слоями населения. А может быть, что-то другое, чему еще название не придумали. Думаю, господин Хайнрих мог бы рассказать гораздо больше...

– Кстати, о Хайнрихе. – Эванс поставил на колени кейс и стал неспешно складывать в него блокнот, папку... – Дело в том, мистер Кауфман, что не существует никакого господина

Хайнриха.

Кауфман вздрогнул, на его длинном тяжелом лице застыла гримаса непонимания. Агент Эванс сунул диктофон в кейс, затем толкнул пальцем пачку сигарет в сторону Кауфмана и печальным голосом добавил:

– Закуривайте, Питер. Вы же курите, об этом сказано в вашем досье, которое я действительно выучил до последней запятой. Так вот, повторяюсь, никакого Бьерна Хайнриха в природе не существует. Мистер Арад и мистер Мэнселл никогда не встречались и не могли встречаться с этим человеком. Как и не существует и никогда не существовало Харлана Вудворда, автора международного бестселлера, написанного от лица глухонемого чилийского рыбака про загадочную организацию, использующую планету для своих бесчеловечных экспериментов. Впрочем, и рыбака тоже нет. В нашем, не придуманном мире, мистер Кауфман, вам придется разобраться со своими воспоминаниями, настоящими и мнимыми, и ответить на главные вопросы. В каком месте потерпел аварию «Макдуглас», почему вы убили несколько человек, похитили гражданский самолет и спешно покинули территорию Чили. Думаю, мы располагаем соответствующим штатом специалистов, которые вам помогут. А пока всего доброго, Питер.

– Ну и как вам это, Бьерн?

– Интересно, интересно, сенатор. Параноидальная шизо-

френия, я так полагаю? Или алкогольная энцефалопатия? Впрочем, я не специалист. Но каков расклад, я впечатлен. Только давайте мы не будем играть с этим Кауфманом? Не в этот раз. Нам вполне достаточно проблем от Вудворда и его сумасшедших последователей. Где Кауфман сейчас?

– В психиатрической клинике Святого Винсента, в Люистоне.

– Вы хотели сказать – на кладбище психиатрической клиники Святого Винсента? Сделайте милость, сенатор. И сосредоточьтесь на Мьянме. У нас впереди Северная Корея, Филиппины, столько дел, столько дел. Давайте мы больше не будем тратить время. Наш единственный невосполнимый ресурс.

Анна Голубева

Линия жизни

*Кто работал и устал —
Называется морал,
Обеспечил себе старость
И достойный капитал.*

Считалочка

– Вопрос на миллион – что с моей кармой? Вопрос жизни и... идеальной жизни! Сколько добра я принес в мир? Хватит ли этого для медицинской страховки? Для бесплатной парковки? А может, меня ждет кое-что особенное? – Серафин Арно выразительно чиркнул себя пальцем по шее. Его голова и тело не совпадали по оттенку. Сейчас контраст в моде, но Серафин слишком стар и богат для таких игр. Значит, настоящая пересадка.

– Завтра мы получим ответ. А сегодня – последний день в году, день чудес и любви. День щедрости. Я и программа второго шанса начинаем ежегодный марафон «Спешите делать добро!». Совершайте хорошие дела, фиксируйте и отчитывайтесь в моем окулусе. Пусть мир согреют ваши сердца!

– Отличная идея, – отозвался Харв и выключил дорогой,

самой последней модели телевизор. Вручную. Умный дом опять выкинул коленце – церебральное управление ломалось пятый раз за год. Техник разобрался бы с этим за пару часов, но у Харва Бойера не было времени. Сегодня последний день, когда можно поднять карму. И, ей-богу, на этот раз он сорвет куш!

Подойдя к зеркалу, Харв пригладил седые, но еще густые волосы. Он не прилагал усилий к омоложению. Нет более жалкого зрелища, чем юное лицо на природном теле. Вот если он получит новый корпус... Но для этого нужно семь тысяч плюсов. Не меньше. За один день – почти невозможно.

Харв улыбнулся отражению, сделал быстрый снимок и кинул в Сеть. Опрятный, бодрый вид – не более пары плюсов, но в погоне за главным призом мелочей не бывает.

Чистая одежда, улыбка, вежливость – все это хорошо для кармы. Если повезет, то случайный прохожий не просто плюсанет, а зайдет в твой окулус, посмотрит события и добавит в свою ленту. Ерунда? Как посмотреть. Следуя таким нехитрым правилам, к шестидесяти годам можно рассчитывать на стабильно положительный баланс.

Открыв ленту, Харв нашел окулус Серафина. Пост, в котором предлагалось пообщаться на тему последних добрых дел в этом году, предварял красочный снимок: Арно придерживает дверь для пожилой леди. Снимок от третьего лица, хорошее освещение – скорее всего, постановка. Один из ста поставит плюс. Но при большой аудитории этого достаточ-

но. Точное число подписчиков не знает и сам Арно, однако, имея свое шоу в прайме, можно не волноваться.

«Я – Харв Бойер. Бывший детский врач, сейчас пенсионер из Урбы. Сегодня я отправлюсь на окраину для консультации и, возможно, лечения детей аморалов. Приглашаю всех в мой окулус – с часа дня там будет идти прямая трансляция. Посмотрим, что из этого выйдет?»

К посту Харв добавил сегодняшний снимок, сложил текстовую панель в карман и покинул квартиру.

– Вставай, приехали!

Кто-то тряс его за плечо. Харв с трудом разлепил веки. В ушах звенело от резкого пробуждения. Щурясь, он выбрался из синего жучка такси и застыл в изумлении.

Привычный мир оказался вскрыт, как консервная банка, и в него хлынуло небо. Слепяще-белое, оно навалилось не только сверху, но, казалось, со всех сторон. Крепко сцепившись перемычками сараев и пристроек, жались к земле дома. Харв даже мог видеть их крыши! Между этими прямоугольниками пробивались лысые ветви кустарника и внезапно высокие деревья – огромные, как на старых картинах.

– Эй, приятель, ты в порядке? – Таксист вылез из машины.

– Какой простор!

Два часа в дороге сморили его, и Харв не заметил, когда закончились небоскребы с наружными садами и начались пустоши окраины.

– Старая застройка. Жаль, место пропадает. Говорят, через пять лет Моралитет здесь порядок наведет.

– Деревья на земле. Разве не странно?

– Не знаю, я уже привык. Бываю часто. Брата навещаю, он выключил окулус года три назад, когда карма совсем в минуса ушла. Неплохой парень, резкий только. – В руке у таксиста оказался примитивный телефон. – Хотите, позову его? Проводит куда надо.

– Да, конечно! – Харв пожалел, что во время поездки так и не поговорил с этим милым человеком.

Забежав в окулус таксиста, он не глядя плюсанул три последних поста.

– Готово. Минут через пять подойдет.

– Даже не знаю, как вас благодарить.

– Лучше всего материально, – усмехнулся таксист.

Харв рассчитался за поездку, добавив щедрые чаевые. Перед глазами всплыл будильник – ровно час дня, пора начинать трансляцию:

– Окраина. Я только что подъехал, жду местного, который, проводит меня к школе или поликлинике.

Харв огляделся. Низкие дома казались непропорционально приплюснутыми, а растения напротив – непомерно вытянутыми. Слишком мало зелени, слишком много света.

– Записываете на память? – хмыкнул таксист.

На руке, которой он прикрывал глаза от солнца, была простенькая татуировка с небольшим дефектом.

– Смещенный луч на звезде – он что-то значит? – спросил Харв, меняя тему.

Говорить о трансляции во время самой трансляции считалось дурным тоном.

Таксист быстро раскатал рукав, закрывая тату.

– Обычный брак – машинка делала.

– Понятно... кажется, я вижу вашего брата!

По дорожке, усыпанной гравием, приближался человек. Женщина.

– Проклятье! – выругался таксист.

– Что такое?

– Я... совсем забыл, у меня еще вызов! – Растерянное выражение сменилось любезной улыбкой. – Думаю, теперь вы без труда доберетесь куда надо. Брату я сообщу.

– Погодите!

Но таксист спешно забрался в нутро своего жучка и рванул к центру.

Ничего не понимая, Харв обернулся к женщине. Она подошла уже достаточно близко, но Харв все никак не мог ее просмотреть. Проверил уровень Сети – норма.

«У нее нет окулуса!» – осенило его.

То есть совсем! Даже начальной странички – ни имени, ни возраста.

Будто впервые посмотрел он на незнакомку – полная, даже тучная, с копной рыжих волос, забранных в хвост. Немолодая, но с непривычки Харв не мог точно сказать, сколько

ей лет.

Вероятно, у него был растерянный вид, потому что женщина засмеялась:

– Не смущайтесь так! Пытались меня просмотреть, верно?

– Да.

– Здесь мало у кого включен окулус. Ребят с окраины на счетчик не поставишь. – Она заговорщически подмигнула, как бы говоря: «Мы-то с тобой понимаем, что к чему».

Харв тут же проникся симпатией к этой женщине.

– Вы ведь Бойер, верно? Детский врач.

– Да.

– Отлично. Я как раз за вами. Одному тут небезопасно бродить, а старушку Ирен каждый знает. Давай поторопимся, малышня уже извелась.

– Да, – в третий раз ответил Харв и, забыв о трансляции, пояснил: – Только я же не врач. В смысле, я не насовсем к вам врачом. Если вы вдруг подумали...

– Я все правильно подумала, доктор Бойер. – Ирен перестала улыбаться и серьезно посмотрела ему в глаза. Харв готов был поклясться, что она каким-то образом залезла в его окулус. – Не сомневайтесь, я в этих играх разбираюсь.

Ирен развернулась и зашагала обратно – в сторону расплющенных домов. Харв поплелся следом, чувствуя, будто ему только что вlepили минус.

Больницы на окраине не было. Вместо нее в центр откры-

того стадиона выкатили автодом. Слишком современный и дорогой для аморалов. Должно быть, очередная благотворительность.

Люди расселись на трибунах, между которыми с визгом и смехом носились дети. Харв нахмурился. Юные пациенты, похоже, решили добавить к диагнозу еще парочку переломов. А родители будто не замечают и вообще ведут себя как-то не очень... расстроено? Будто в парке развлечений с единственным аттракционом.

При их приближении толпа оживилась. Кто-то даже начал хлопать, но его не поддержали.

– Доктор сейчас начнет прием, подходите, кто первый, – громко сказала Ирен и потом тише: – Я побуду вашим секретарем сегодня?

– Тогда уж медсестрой, – искренне улыбнулся Харв.

Поначалу он старался осмотреть каждого пациента, назначал дополнительные процедуры, половину из которых можно было сделать лишь в центре. Но быстро понял, что никуда детишки не поедут.

– Тяжелых тут нет, – с ухмылкой подбодрила его Ирен, – а на каждый чих в центр не набегаешься. Если что серьезное, так ребенка в клинику Убры везут.

– Бесплатно? А, ну да...

Аморалами не рождаются. Несовершеннолетние имеют право на медицинское обслуживание.

В три часа Ирен принесла кофе и булочки. Сама сделала,

наверно. На вид съедобно. Харв было замялся, но, вспомнив о трансляции, смело надкусил выпечку. Пусть видят, что он вообще не заметил разницы. Слишком занят нуждами детей.

– Я себе иначе все представлял.

– Думал, здесь чума и запустение?

– Нет, просто...

А что просто? Он ведь и правда надеялся спасти парочку жизней метко поставленным диагнозом.

– Откуда вы узнали, что я приду? – Харв решил сменить тему.

– Ну, мы не в пещерах живем.

Ирен подняла со стола какой-то прибор, похожий на чехол от очков, и навела его на стену. Тут же засветилась дешевенькая ТВ-панель. Серафин Арно беззвучно открывал рот, а ниже шли комментарии из окулуса.

– Марафон, – понял Харв.

– Ну да. С утра идет. Я, живя тут, от многого отказалась, но утренний кофе под телевизор – это святое. А ваш комм был одним из первых. Это вы хорошо придумали, много людей смотрит Серафина.

Харв поморщился и, не сдержавшись, пробормотал:

– Героически лечу сопли.

Ирен резко бросила приборчик на стол.

– Знаешь что!.. – Она замерла и продолжила спокойно: – У тебя идет трансляция?

Он кивнул.

– Выключи.

Пожав плечами, Харв повиновался. Почему бы и нет?

– Готово.

Внимательный взгляд карих глаз – и снова то чувство, будто она умеет вскрывать окулус. Даже приватные посты. Ему стало не по себе, нужно срочно переключить внимание.

– А... а что это за прибор такой? Которым телевизор включили?

– Пульт. До церебрального управления такие делали. И даже до панельного.

– Здорово! Мне бы пригодилось. Замучился уже руками переключать. Вот глупость – выложить бешеные деньги за телевизор и не пользоваться настройками – даже чат посмотреть не могу, только каналы и звук.

– Харв, – оборвала его Ирен, – ты не прав.

– Про пульт? – Он понимал, что говорит глупость.

– Про себя. Про то, зачем ты сюда пришел.

– И зачем же?

Вместо ответа Ирен подняла волосы и наклонила голову. Бледный, но вполне отчетливый шрам шел вокруг ее шеи.

Линия приращения. Более известная как линия жизни.

– Третий корпус, если считать природный. Я срывала куш. Дважды.

– Но почему вы на окраине?! Как стали аморалом?

– Я и не стала. Когда отключила окулус, моя карма была в хорошем плюсе. Ирен Перрет – может, слышал?

Харв смущенно качнул головой.

– А про кого слышал? Кто сейчас на хорошем счету?

– Серафин?

Ирен усмехнулась:

– Скольких людей из ленты ты действительно читаешь?

Следишь за ними, волнуешься.

– Сейчас у меня мало времени.

– Его всегда будет мало, Харв. Я тоже была такой. Гналась за кармой, наработывала плюсы. Правильные слова, хорошие дела, весь день по часам... и потом реклама – скрытая. За хорошие плюсы, за скидки. Я даже шампунь выбрать не могла!

Харв кивнул. Рутинка морала – пользоваться самым популярным продуктом.

– Но ведь какая разница? Любой шампунь моет волосы. А если с него капнет плюсик – почему нет?

– Точно. Шампунь, мыло, одежда – какая разница? Не го-лой же ходить? Музеи, спектакли – надо же как-то развлекаться? Работа – надо же платить по счетам? И почему бы не сделать выбор в пользу того, что повисит карму? И ведь это полезно! Спорт и правильное питание, благотворительность и саморазвитие, карьера, карма и – вуаля! – новенькое тело. Второй раз пройти по тому же кругу – раз плюнуть. Через семнадцать лет выиграла еще один корпус. Я даже не помню свою вторую жизнь, представляешь? А вот марку шампуня – помню.

Она говорила тихо. И все же Харву хотелось зажмуриться – так кричали глаза Ирен.

– Я не жила. Все эти годы я лишь старалась понравиться толпе незнакомых мне людей. Понравиться так, чтобы мне подарили еще одну жизнь. Ведь я такая хорошая! Только для кого?

– Ирен...

– Нет, погоди, я договорю. Ты сейчас думаешь, а какая альтернатива? Разве лучше спустить жизнь на сиюминутные удовольствия?

– Ну да...

– Лучше.

Он открыл было рот, но не нашелся что ответить.

– Я вижу небо, Харв. Каждый день я вижу небо. И ем булочки, наплевав на фигуру. Я знаю, что твои лекарства уменьшат боль, и это хорошо. Все. А теперь можешь включить трансляцию. То, что я сказала, останется для тебя. Это я решила, что ты заслужил мой рассказ. Я решила, что ты – хороший человек. И наплевать, какая у тебя там карма. Понимаешь?

– Кажется...

И все же, включая трансляцию и открывая дверь для очередной порции простуженных детишек, Харв не мог отделаться от мысли, что губы Ирен подкрашены. Потому что трансляция. Увидят.

В оставшееся время Харв старался не оставаться с Ирен наедине. Ее внезапная искренность напугала его и смутила. Нужно было что-то ответить. Принять решение. Он не был готов.

Когда последний мальчишка с нарывающим пальцем выпрыгнул из автодома, Харв быстро захлопнул чемоданчик и, пристегнув его, вызвал такси. Нарочито вслух.

– Не останешься на ужин?

– Увы.

Харв вышел в сумерки на почти безлюдный стадион. В первое мгновение у него закружилась голова – показалось, что он выпал в пустоту. Но вот глаза зацепились за громадины небоскребов. Вид центра вселял уверенность.

– Я провожу до остановки.

– Нет уж, дорогу я помню. А вы устали.

Получилось резче, чем он хотел. Но Ирен все поняла:

– Может, ты и прав, доктор. Ноги не те... да и сердце в последнее время пошаливает. Все кофе.

– Я провожу.

К ним подошел рослый парень с крепким бритым загривком. Никаких следов от линии жизни. Здесь не было моды на фальшивые шрамы.

– Да, отлично, – быстро согласился Харв, – ну вот и все, Ирен, до связи, да? Берегите себя.

– И ты береги себя, доктор.

Даже когда они пересекли поле и свернули на широкую

дорогу к остановке, Харв чувствовал напряженный взгляд карих глаз. Он ждал, что Ирен крикнет что-нибудь вроде «Подумай о моих словах!». Но ничего подобного не произошло. Это его расстроило.

Может, разреженный воздух окраины что-то сдвинул в голове? Сейчас, в шаге от победы, нет времени на пустую болтовню. Только не сегодня. До двенадцати можно успеть захватить в приют – верный плюс к карме.

Но он просто обязан ответить Ирен.

Харв резко развернулся. И увидел, как его провожающий нажимает на гашетку «глушака».

Чемоданчик для лекарств, выставленный как щит, принял пулю. Удар был достаточно сильным, но Харву удалось устоять на ногах. Все же «глушак» травматическое оружие, для самозащиты. Или запугивания, как в этом случае. Ожидая второго выстрела, Харв рванул вперед, целясь краем чемоданчика в лицо бандиту. Удар пришелся в основание носа. Парень взвыл от боли, отшатнулся и рухнул под чужим весом. Харв свалился сверху. Не соображая, что делает, он продолжил молча хлестать чемоданчиком – куда попало, пока, извернувшись, бандит не скинул его. Тогда, загребая руками гравий, Харв на карачках рванул в сторону центра. Он спотыкался, почти падал, но не останавливался. Где-то там, впереди, ждало такси, которое увезет его из этого кошмарного сна.

Из-за непривычно широких улиц Харву казалось, что он

бежит на месте – слишком пусто, негде спрятаться, не на что ориентироваться. Но вот закончился бесконечный серый дом. За поворотом открылась остановка, на которой... никого не было. Площадка, освещенная фонарем будто специально, чтобы не оставалось никаких сомнений – пусто.

Харв затравленно оглянулся – никто не бежал за ним. Он хотел вызвать охрану и только тогда заметил, что связи нет. Харв даже не удивился. Должно быть, бандит перед атакой вывел из строя его окулус. Ни записи нападения, ни возможности позвать на помощь, даже спросить не у кого.

Он совсем один здесь. Нет. Без окулуса он совсем один везде.

Опустив глаза, Харв заметил чемоданчик в кровавых пятнах. Прикованный к руке, он так и болтался.

«Из носа всегда бывает много крови», – попытался успокоить себя Харв.

Но почему бандит не побегал за ним? Или не выстрелил в спину – на просторных улицах окраины прекрасный обзор. Что ему помешало?

«Я же не собираюсь возвращаться, чтобы проверить? Проклятье, этот парень хотел меня убить!»

Нет, он, разумеется, не пойдет туда один.

И тут ему в голову пришла очень странная мысль. настолько чуждая, что Харв все еще удивлялся, пока стучал в окна ближайшего дома. Попросить помощи у незнакомцев – разве не безумие?

Его узнали дети.

Когда Харв заплетающимся языком пытался объяснить все выглянувшему на стук мужчине, вперед вывинтился мальчишка, бросил «Здрасьте, доктор» и скрылся в квартире. После этого разговор пошел совсем в другом тоне. Минут через десять Харв в компании трех вооруженных мужчин вернулся к месту нападения. Никогда прежде он не чувствовал себя так уверенно и защищенно.

Свистящие хрипы слышались аж за квартал. Странно, что никто не вышел помочь. Увидев скрюченное в тени дома тело, Харв хотел было подбежать, но его остановил отец мальчишки. Выставив перед собой ружье, он подошел к бандиту и ногой отшвырнул «глушак» в сторону.

Парень стоял на коленях, держась за стену. Его грудь и живот, залитые кровью, были предельно раздуты. Перелом носа был самой страшной травмой, которую удалось нанести Харву, остальное за него сделала астма. Здоровяк оказался не таким уж здоровым.

– Молодец-молодец, теперь слушай меня – на раз-два вдох, на три-четыре выдох, ясно? Ничего с тобой не случилось, сейчас вызовем скорую, все будет хорошо, ты понял меня? Успокойся. Раз-два... скорую вызывайте!.. три-четыре.

Харв ощупал карманы парня. Ингалятора не было. Кто-то сунулся, объясняя, что скорая к ним не поедет, но Харв

лишь отмахнулся. Не сейчас.

– Раз-два, три-четыре...

В его чемоданчике, которым он с такой доблестью колотил больного, не было ничего подходящего. Но и приступ вызван не цветочной пылью. Надо снять стресс, как угодно!

– Я врач. Я сейчас введу тебе очень сильное средство. Оно подействует через минуту. Ты почувствуешь себя хорошо, но не убегай, бегать нельзя. Ты меня понял? Оставайся в этой же позе. Будет немного больно – сделаю укол прямо через штаны. Так быстрее.

Отстегнув значок медицинского колледжа, Харв воткнул острие в бедро парня. Тот дернулся, сделал три судорожных вдоха и... затих.

– Я вызвал скорую! Сказал, что тут доктор Бойер, и они сказали, приедут! – крикнул из-за спины мальчишка.

– Хорошо.

Харв опустился на землю рядом с послушно стоящим на четвереньках бандитом. Огляделся. Два неуловимо похожих парня – наверно, братья – улыбались и смотрели на него. Рыжий мужчина приобнял за плечи запыхавшегося сына – тот сиял от гордости.

До центра его довезла бригада скорой помощи. Там же сняли блокировку окулуса. Ничего особенного – принудительное отключение со смещением диапазона управления. Могли просто по голове огреть. Видно, бандит хотел только

припугнуть его, отобрать чемоданчик. Что он надеялся там найти?

Харв не стал заявлять о нападении. Все равно никаких доказательств не было, а пострадал сам бандит. Еще влепят минуса за превышение самообороны.

По дороге домой – узкой, безопасной – Харв купил себе полезный ужин «Витаминный взрыв» и проверил окулус. Трансляция оборвалась в семь пятнадцать. После этого впервые за восемь лет значился «разрыв соединения».

Ни одного комментария. Ни одного сообщения или звонка.

В квартире Харв кинул ужин на стол и включил телевизор. Серафин что-то воодушевленно вещал, проникновенно глядя в камеру. Его голос раздражал, хотелось убавить звук, но Харв уже устроился в кресле. Вот где пригодился бы дочеребральный пульт.

– ...две минуты! Все внимание на окулус! Сейчас появится итоговая карма. Все, что было сделано хорошего и плохого в этом году. Тише! Прислушайся к себе. Чиста ли твоя совесть? А может, именно твое имя прозвучит в числе заслуживших новый корпус? Спроси: «Не я ли проснусь завтра молодым?» Одна минута!

Куш всегда срывают пожилые. На это много причин – свободное время, знание рынка, накопленная база подписчиков. Но Харв считал, что до пятидесяти люди не воспринимают смерть всерьез. Исключение – серьезные заболевания, ради

которых и была задумана вся штука с пересадкой головы. Во всяком случае – в учебниках объясняли именно так. Сейчас это путь к бессмертию. Если у тебя достаточно денег или лучшая карма в городе.

– ...Харв Бойер!..

«Мы рады сообщить, что...»

Первые строчки пришедшего сообщения скользнули по сознанию в ту минуту, когда Серафин Арно произнес его имя. И почти сразу всплыла обновленная статистика по карме. Восемнадцать тысяч за прошедшие сутки.

Оглушенный, Харв смотрел на цифры. Новый корпус...

«Мы рады сообщить, что вы являетесь бесспорным лидером среди моралов нашего города... – настойчиво лезло в глаза сообщение первого приоритета. – ...через пятнадцать минут машина второго шанса будет подана к вашему подъезду. Счастливой жизни!»

Схватив лоток со стола, Харв стал быстро поедать ужин. Его руки плясали так, что половина содержимого оказалась на коленях. Он не стал переодеваться. Он не стал мыть руки. Отключив разрывающийся сообщениями окулус, он спустился к машине второго шанса.

Двадцать семь лет назад Харв потерял ногу – несчастный случай на дороге, после которого он отказался от привилегии частного транспорта. Не мог заставить себя сесть за руль.

Тогда ему делали приращение на ферме тел. Амбициоз-

ное название, если учесть, что выращивали там максимум мышцы и кожу. Харву пришлось довольствоваться донорской ногой. С тех пор ничего не изменилось – как отдельные части, так и целые корпуса получали от только что умерших людей. И если бы Харв погиб в той аварии, его тело оказалось бы на ферме, готовое послужить нуждам Моралитета. Но ему повезло. А сейчас везет во второй раз.

Ферма тел находилась за городом, и Харв ожидал долгого путешествия, но минивэн проехал три квартала и юркнул в неприметный внутренний двор. Ни таблички, ни указателя. Серьезные люди не хотят светиться рядом с центром второго шанса. Не слишком-то морально покупать право на корпус. Их всегда мало, потому бесплатную пересадку получают лишь моралы с высочайшей кармой.

Кабинет Этьена Легофф находился на семьдесят третьем этаже. Воздух там был сухой, как на окраине, и у Харва засосало под ложечкой от дурного предчувствия. Улыбчивый молодой человек встретил его стоя, как дорогого гостя.

– Поздравляю вас...

– Мне дадут выбрать корпус? – прервал любезности Харв.

– О да! Вы прибыли в числе первых. Хотя, поверьте, все корпуса в отличном состоянии. Хотите посмотреть прямо сейчас?

– Да. Давайте поскорее со всем покончим...

Харв не мог сказать, почему так нервничает. Ведь сегодня день его триумфа.

– Прошу!

Этьен вывел на стенной дисплей изображение корпуса – от шеи до ступней – и передал панель Харву.

– Стрелочками вращать, пробелом следующее. Всего двенадцать.

Стараясь сосредоточиться на корпусах, Харв внимательно осматривал каждый. Так он будет выглядеть ближайшие... лет сорок, наверно. Если не сорвет куш раньше. Это нетрудно – после ежегодной передачи победителей у Серафина его узнают все. И подпишутся. Главное, не потерять уровень кармы – расслабляться нельзя.

«Об этом говорила Ирен».

Нет, не сейчас. Он все обдумает, когда будет молодым. А для этого нужно выбрать лучший из корпусов. Кожа не должна быть слишком бледной, а мышцы – слишком раскачанными, как у номера три. Лучше посуше, такую форму легче поддержать. И никаких татуировок, как у номера шесть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.